

ЭХО
ИСКУССТВА

ИЗДАНИЕ

Акционернаго Общества Граммофонъ

и пишущая машина.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

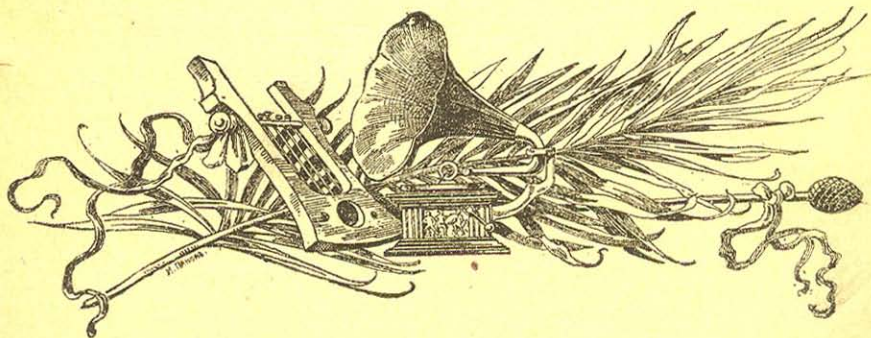
Паровая
Типографія и Литографія
М. РОЗЕНОВЪ.
Спб., Литейный просп., 4

„ЭХО ИСКУССТВА“

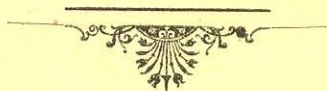
СБОРНИКЪ.

Прошедшее, настоящее и будущее
граммофона.

Подъ редакціей Ив. Ив. Митропольскаго.

„Эхо искусства“.

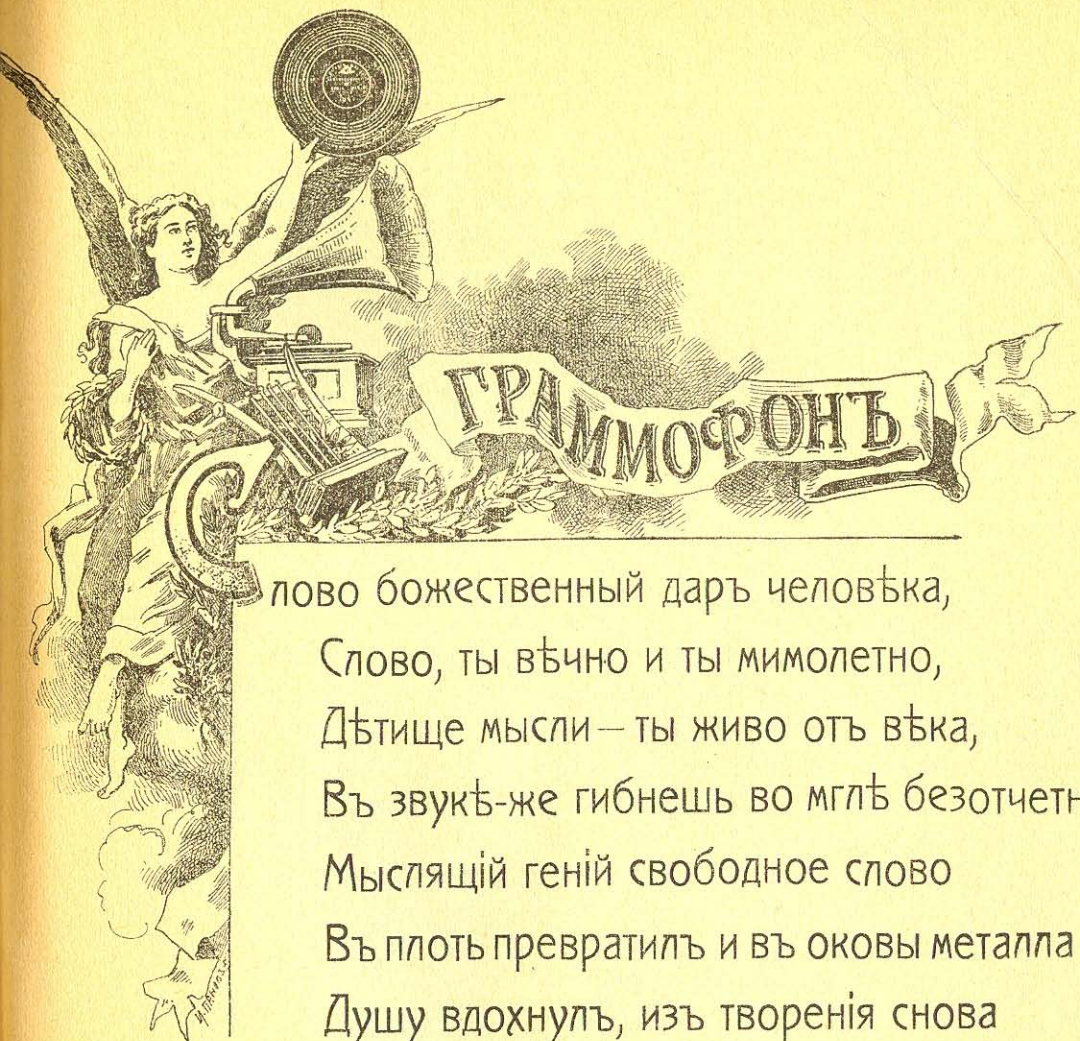

Оглавление.

	стр.
Грамофонъ, стихотвореніе.	
Происхожденіе грамофона. Идея говорящей машины	9
Фонографъ—родоначальникъ грамофона	11
Грамофонъ	13
Грамофонъ въ настоящее время	17
Послѣдняя новость грамофоннаго дѣла. Оксетонъ	19
Великій артистъ, разсказъ	21
Грамофонъ въ семьѣ	25
Историческое и національное значеніе грамофона	28
Грамофонъ въ музыкальномъ искусствѣ	30
Грамофонъ для народнаго образованія и развлеченій	31
Грамофонъ на послѣдней Русско-Японской войнѣ (изъ записной книжки офицера)	33
Грамофонъ-опера	39
Анкета съ артистами о грамофонѣ:	
У Л. В. Собинова	41
У А. М. Карензина	42
У П. С. Оленина	42
У О. И. Каміонскаго и К. И. Брунъ	44
Примѣненіе грамофона въ педагогикѣ	45
Грамофонъ въ качествѣ учителя языковъ	47
Леченіе пьянства при помощи грамофона	48
Вліяніе грамофона на нервную систему	49
Грамофонъ при леченіи глухоты	51
Грамофонъ, разсказъ	56
Французскія артистки и грамофонъ	59
Экзамены переводчиковъ въ военной академіи, въ Германіи	60
Грамофонъ при Мароккскомъ дворѣ	60

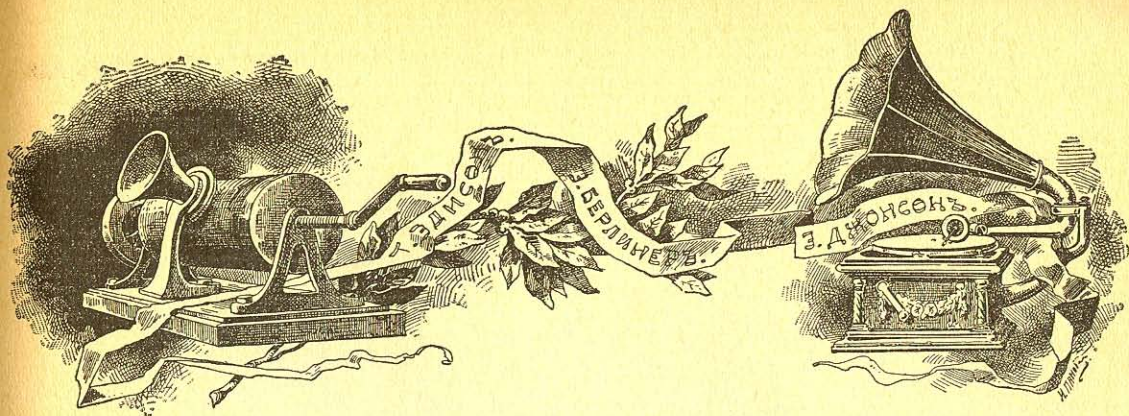
	стр.
Граммфонъ при Испанскомъ дворѣ	61
Король Шведскій и граммфонъ	62
Завѣщаніе Бисмарка	62
Видоизмѣненія граммфона	63
Кинематографъ, какъ дополненіе граммфона	64
Граммфонная почта	64
Собственноручный шаржъ Ф. И. Шаляпина на самого себя	65
Въ партіяхъ	66
Загадка	66
Тоже „Оксетонъ“	66
Завѣщаніе	66
Судъ будущаго	67
Ночь	67
По случаю	67
Двѣ старухи у граммфона	68
Въ солдатской чайной	68
Въ магазинѣ, гдѣ продають граммфоны	68
Разсказъ странника о граммфонѣ	68
Письмо современнаго Ленскаго къ современной Татьянѣ	69
Письмо современной Татьяны	69
Новая партія	69

Слово божественный даръ челоуѣка,
Слово, ты вѣчно и ты мимолетно,
Дѣтище мысли — ты живо отъ вѣка,
Въ звукѣ-же гибнешь во мглѣ безотчетно!
Мыслящій геній свободное слово
Въ плоть превратилъ и въ оковы металла
Душу вдохнулъ, изъ творенія снова
Музыкой пѣсни оно зазвучало...

Родинъ.

Происхождение граммофона.

Идея говорящей машины.

ЯЗЫКЪ, звуковсе выраженіе мысли, уже съ древнѣйшихъ временъ составлялъ предметъ изученія. Въ древности наивно вѣрили, что разговорному языку научило людей божество. Но человѣческая мысль развивалась и крѣпла, и уже въ III вѣкѣ до Рождества Христова греческій философъ Эпикуръ высказалъ положеніе, что человѣкъ, говоря, дѣйствуетъ инстинктивно. Онъ говорилъ, что органы рѣчи, физическіе и духовные, работаютъ совершенно такъ же, какъ и прочіе органы человѣка; какъ глаза при зрѣніи, органы слуха, движенія и проч.

Гердеръ въ 1744—1803 гг. и В. фонъ-Гумбольдтъ (1767—1835 гг.) разработали и углубили этотъ взглядъ. Теперь мы дѣлаемъ различіе между физической и духовной способностью говорить, принимая во вниманіе имѣется-ли въ виду только произношеніе звуковъ рѣчи, или сообщеніе посредствомъ ихъ мысли.

Оставляя мысль какъ интеллектуальное проявленіе человѣческой природы, люди обратили вниманіе на физическую способность рѣчи и уже тогда явилась идея воспроизвести человѣческую рѣчь механически, съ помощью „говорящей машины“.

Многочисленныя попытки въ этой области долгое время не увѣнчивались успѣхомъ, пока Эдисону въ 1877 году не удалось осуществить первое практическое примѣненіе говорящей машины.

Но еще болѣе ста лѣтъ назадъ много шума надѣлала говорящая машина, изобрѣтенная Кемпеленомъ (1734—1804 гг.) и Фаберомъ.

В. Кемпелень описалъ свою машину въ книгѣ, появившейся въ Вѣнѣ въ 1791 году. Эта книга называется „Механизмъ человѣческой рѣчи“.

Слышавшіе эту машину утверждали, что она дѣйствительно говорила голо-
сомъ ребенка. Машина Фабера, признанная за лучшую, имѣла ротъ съ каучуковыми
губами и языкомъ, клавиатуру для гласныхъ, полугласныхъ и нѣкоторыхъ соглас-
ныхъ, а также двѣ вспомогательныя клавиши для прочихъ согласныхъ, изъ ко-
торыхъ одна закрывала носовыя отверстія, а другая голосовую щель. Нажиманіе
первой клавиши производило придыханіе для выговариванія нѣмецкой буквы
h (ха). Другая вспомогательная клавиша, нажатая непосредственно за „в“ и „д“
превращала ихъ въ „т“ и „п“.

Для того, чтобы согласныя имѣли тотъ-же звукъ какъ и въ нашей рѣчи,
къ нимъ всегда прибавлялись гласныя.

Такимъ образомъ, чтобы привести въ дѣйствиіе эту машину, на ней нужно
было „играть“ какъ на роялѣ, и эта игра требовала большого навыка.

Автоматически передавать человѣческую рѣчь машина не могла.

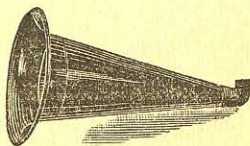
Голосовая щель состояла изъ каучуковыхъ лентъ, расположенныхъ такъ же,
какъ голосовыя связки въ человѣческой гортани. Легкія замѣнялись мѣхами, до-
ставлявшими необходимый для рѣчи притокъ воздуха.

Для полученія различныхъ гласныхъ ротъ и щель должны были раскрываться
болѣе или менѣе широко, съ большей или меньшей быстротою. Можно было
повышать или понижать тонъ, такъ что получалось нѣчто въ родѣ пѣнія.

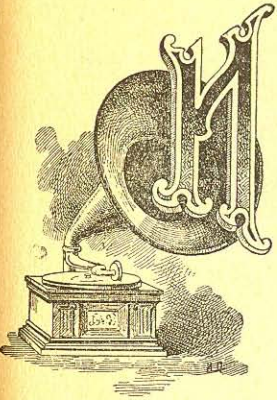
Можно было даже заставить машину шептать, какъ и говорить громко.

Что касается результатовъ, достигнутыхъ этой машиною, которая въ прош-
ломъ столѣтіи объѣздила всю Европу, всюду показывалась, но затѣмъ исчезла не-
извѣстно куда, то отзывы о ней весьма различны. Одни говорятъ, что отдѣльныя
слова, сказанныя машиной, были вполне понятны, а другіе утверждаютъ, что она
производила только шумъ, похожій на органнй, и что только съ помощью фантазіи
можно было придавать звукамъ значеніе соответствующее человѣческой рѣчи.

Другими словами, это была игрушка, но она имѣла значеніе перваго
опыта завоеванія человѣка въ области звука и ставила его на великій путь даль-
нѣйшихъ открытій и усовершенствованій. Слово — этотъ величайшій даръ чело-
вѣка, должно было въ концѣ концовъ подчиниться человѣческому генію и зазвучать
изъ дерева и металла.

Фонографъ — родоначальникъ граммофона.

такъ мы видимъ, что стремленія человѣка завоевать себѣ звукъ и механически воспроизводить живое человѣческое слово первоначально были направлены къ подражанію человѣческимъ органамъ рѣчи, но въ данномъ случаѣ происходила та ошибка, что весьма было трудно заставить машину автоматически передавать звукъ, какъ его, инстинктивно сокращаясь и мѣняя положеніе, передаютъ живые человѣческіе органы. Кромѣ того, изобрѣтателямъ говорящихъ машинъ не была въ достаточной мѣрѣ ясна теорія звука и звуковыхъ волнъ, въ настоящее время представляющая азбуку физики, а только съ помощью этой теоріи явилась возможность открыть грандіозную загадку говорящей машины.

На протяженіи болѣе ста лѣтъ мы видимъ неустанную работу человѣка надъ этой загадкой, блистательно разрѣшенной въ наши дни граммофономъ, и эта работа въ достаточной степени иллюстрируетъ непреложную истину, что ни одно человѣческое изобрѣтеніе не явилось совершеннымъ, но путемъ долгихъ улучшеній, наблюденій и науки достигло болѣе или менѣе совершеннаго типа.

И фонографъ Эдиссона, этотъ родоначальникъ граммофона, не явился самостоятелно, а составилъ звено въ той цѣпи, началомъ которой мы можемъ считать машину Фабера.

Но въ серединѣ XIX столѣтія изобрѣтатели стремились уже не только открыть секретъ передачи звука, пользуясь теоріей звуковыхъ волнъ, на которыя отвѣчаютъ дрожаніемъ твердые предметы, но и записывать „живое человѣческое слово“.

Задача „говорящей машины“ разрасталась и выдвигала ее на ступень большаго научнаго изобрѣтенія.

Въ 1856 году Леонъ Скоттъ изобрѣлъ аппаратъ, извѣстный всѣмъ по курсу физики и названный имъ „Фоновтографомъ“.

Приборъ этотъ не разрѣшалъ еще, однако, задачи механическаго воспроизведенія звуковъ и рѣчи. Эту задачу должны были разрѣшить будущіе изобрѣтатели. Ими, почти одновременно, явились французъ Кроссъ и американецъ Эдиссонъ, но идея перваго, которую онъ представилъ въ Академію наукъ 30 Апрѣля 1877 года, не получила распространенія, тогда какъ Эдиссонъ 31 Юля 1877 года былъ уже обладателемъ патента на „основную идею говорящей машины“.

Въ этомъ патентѣ Эдиссонъ излагаетъ только способъ записыванія телеграфныхъ сигналовъ Морзе съ помощью зазубринъ или насѣчекъ, особымъ штифтикомъ, который чертитъ по натянутой на цилиндрикъ бумагѣ, причемъ по всему цилиндрику проходить непрерывный спиральный желобокъ. Полученныя такимъ образомъ насѣчки, согласно патенту, могутъ быть примѣнены для автоматической передачи той же самой депеши, если по нимъ опять пустить конецъ штифтिका, способнаго дѣйствовать на прерыватель тока.

Такимъ образомъ найденъ былъ способъ „автоматической передачи“. Оставалось электричество замѣнить звукомъ, развить идею фонографа, создать изъ нея новое твореніе человѣческаго генія, „машину, автоматически воспроизводящую живое человѣческое слово“.

Существуетъ легенда, что открытъ Эдисону это изобрѣтеніе, вытекающее изъ его открытія въ 1877 году, помогъ случай во время опытовъ съ телефономъ. Именно тотъ моментъ, когда діафрагма пришла въ сотрясеніе подъ вліяніемъ голоса и вибрирующей на ней штифтикъ укололъ Эдисону палець.

Вѣрнѣ всего, однако, что Эдисонъ пришелъ къ открытію фонографа путемъ научнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ былъ уже изобрѣтателемъ электромотографа.

Сущность изобрѣтенія Эдисона заключается въ найденномъ имъ способѣ отпечатанія на металлическомъ листкѣ вибрацій дрожащей пластинки и обратнаго приведенія эту пластинку въ дрожаніе путемъ этихъ отпечатанныхъ ея слѣдовъ для повторенія звука и человѣческаго голоса.

Такимъ образомъ настоящимъ изобрѣтателемъ фонографа является Эдисонъ, въ Январѣ 1878 года получившій на него привиллегію. Въ этомъ году въ редакцію извѣстнаго американскаго техническаго журнала „Scientific American“ вошелъ молодой человѣкъ, и, не говоря ни слова, поставилъ на столъ передъ издателями небольшую машину. Онъ повернулъ нѣсколько разъ ручку и, машина сказала:

Здравствуйте! Какъ вы поживаете? Какъ вамъ нравится фонографъ?

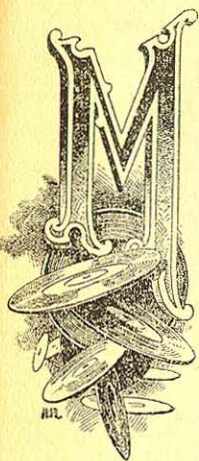
Этотъ молодой человѣкъ былъ самъ Томасъ Эдисонъ.

Но однако новое изобрѣтеніе все еще было неудовлетворительно, и только въ 1888 году Эдисонъ до извѣстной степени рѣшилъ удовлетворительно свою задачу, не прекращая однако работы надъ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ фонографа, что привело къ благоприятнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ идея говорящей машины была рѣшена, но еще оставалось много работы для достиженія того типа, который представилъ только граммофонъ.

Граммофонъ.

Ы нисколько неискажаемъ истины, если говоримъ что граммофонъ явился наиболѣе усовершенствованнымъ типомъ говорящей и поющей машины, которая разрѣшила загадки Фабера и Скотта и усовершенствовала изобрѣтеніе Эдиссона. Уже по датамъ времени видно, что граммофонъ явился изобрѣтеніемъ позднѣйшимъ, а слѣдовательно и болѣе совершенной конструкціи. Кромѣ того, только съ изобрѣтеніемъ граммофона удалось достигнуть той ясности и силы звука, почти равной съ человѣческимъ голосомъ, которую даетъ только граммофонъ. Кромѣ того, всякое изобрѣтеніе только тогда приобретаетъ мировое значеніе, когда оно выходитъ изъ тиши кабинета ученаго или изобрѣтателя на широкій просторъ всемірной популярности. Одинъ изъ залоговъ этой популярности—практичность, достигается простотой устройства, лучшимъ примѣненіемъ и довѣчностью.

Всѣ эти три качества были завоеваны граммофономъ, замѣнившимъ скоро портящіеся валики фонографа твердыми пластинками.

Оставляя за Кемпеленомъ и Фаберомъ честь первой попытки подчинять человѣку свободно бѣгущій въ волнахъ воздуха звукъ, оставляя за Кроссомъ и Эдиссономъ честь перваго удачнаго примѣненія передачи записыванія звука, мы должны признать честь самаго удачнаго практическаго примѣненія изобрѣтателю граммофона—Эмилю Берлинеру.

Эмил Берлинеръ родился въ 1851 году въ Ганноверѣ, гдѣ воспитывался и получилъ образованіе. Въ 1870 году, т. е. 19 лѣтъ отъ роду, онъ переѣхалъ въ Америку и поселился въ Вашингтонѣ. Здѣсь судьба неблагоприятствовала Берлинеру, такъ что онъ былъ вынужденъ переѣхать въ Нью-Йоркъ, гдѣ давалъ уроки, занимался бухгалтеріей и т. п. Спустя нѣкоторое время онъ уѣхалъ отсюда на Западъ, но въ 1875 году снова вернулся въ Нью-Йоркъ и поступилъ въ лабораторію Фаульберта, гдѣ значительно расширилъ свои техническія познанія. Здѣсь онъ между прочимъ изобрѣлъ приборъ, посредствомъ котораго можно сразу опредѣлить процентное содержаніе воды, кристалловъ и сиропа.

Въ 1876 году Эмилъ Берлинеръ вернулся въ Вашингтонъ и посвятилъ всю свою дѣятельность, главнымъ образомъ, усовершенствованію телефона. Къ этому періоду относится его изобрѣтеніе трансмиссора. Заключивъ затѣмъ договоръ съ

телефонной компаніей Белля, онъ нѣсколько лѣтъ работаетъ для этой фирмы въ Нью-Йоркѣ и Бостонѣ. Въ 1881 г., въ одну изъ своихъ поѣздокъ по Европѣ, Берлинеръ основалъ вмѣстѣ со своимъ братомъ въ Ганноверѣ телефонную фабрику, которая считается теперь одною изъ крупнѣйшихъ въ Европѣ.

Послѣ многолѣтней неустанной дѣятельности, результатомъ коей были многія изобрѣтенія, Берлинеръ посвящаетъ себя съ 1887 года исключительно граммофону, надъ которымъ работалъ уже съ 1885 года, открывъ къ этому времени специальную мастерскую. Неудачная работа его увѣнчалась наконецъ успѣхомъ, и въ 1888 году на лекціи въ Франклинскомъ Институтѣ въ Филадельфіи онъ уже демонстрировалъ усовершенствованный граммофонъ, за который получилъ отъ этого института медаль. Послѣ этого опыты непрерывно продолжались и привели къ значительнымъ усовершенствованиямъ, какъ самаго граммофона, такъ и пластинокъ; на примѣръ, были изготовлены матрицы, по которымъ явилась возможность отливать пластинки изъ твердаго каучука и т. п. матеріаловъ. Наконецъ, пластинки достигли своего настоящаго совершенства и стали столь безукоризненны, что уже въ 1901 году разошлись въ количествѣ свыше четырехъ милліоновъ экземпляровъ.

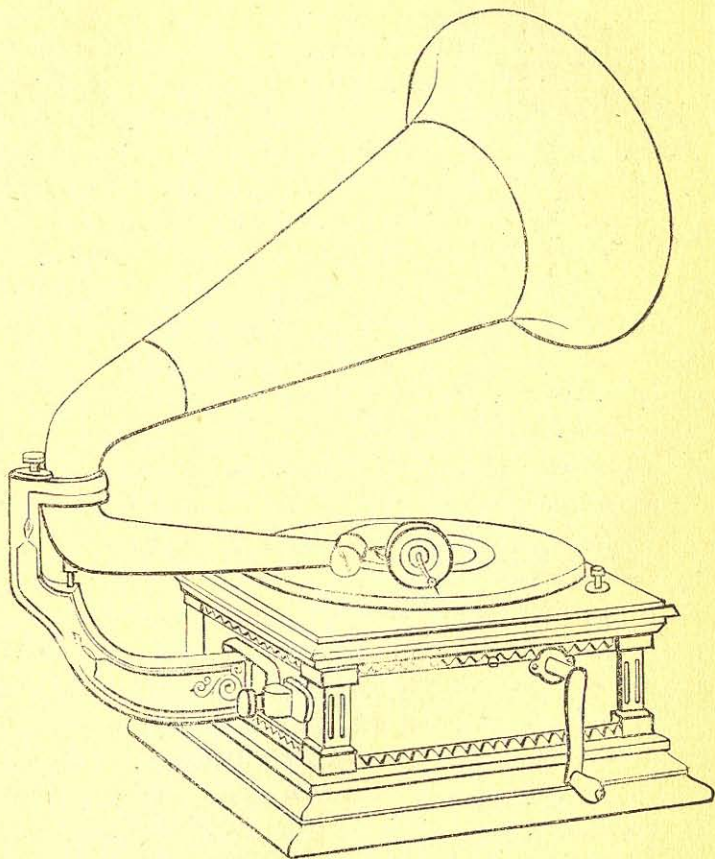

Рис. № 1. „Тонармъ“ 1904 года.

Въ общихъ чертахъ граммофонъ, изобрѣтенный Берлинеромъ сохранился до настоящаго времени: это ящикъ съ механизмомъ, приводящимъ во вращательное движеніе дискъ, на который накладывается твердая пластинка съ нотами углубленіями, мембрана съ вставляющейся въ нее иглою и металлическій рупоръ; но и граммофонъ за послѣднее время подвергся значительнымъ усовершенство-

ваніямъ, что, главнымъ образомъ, отразилось на устройствѣ мембраны и на устройствѣ рупора. Изобрѣтателемъ новѣйшей усовершенствованной мембраны явился инженеръ Эльриджъ Джонсонъ, который совмѣстно съ инженеромъ Ренгардтомъ неутомимо работаетъ надъ усовершенствованіемъ граммофона.

Аппаратъ *Монархъ*—дѣло рукъ Джонсона, который въ Америкѣ имѣетъ самую большую фабрику аппаратовъ. Эта фабрика поставляетъ граммофоны высшаго качества черезъ посредство Акціонернаго Общества *Граммфонъ* на всю Европу, Азію, Африку и Австралію.

Обороты этой фабрики, находящейся въ Кампденѣ, настолько значительны, что достигаютъ десятковъ милліоновъ долларовъ.

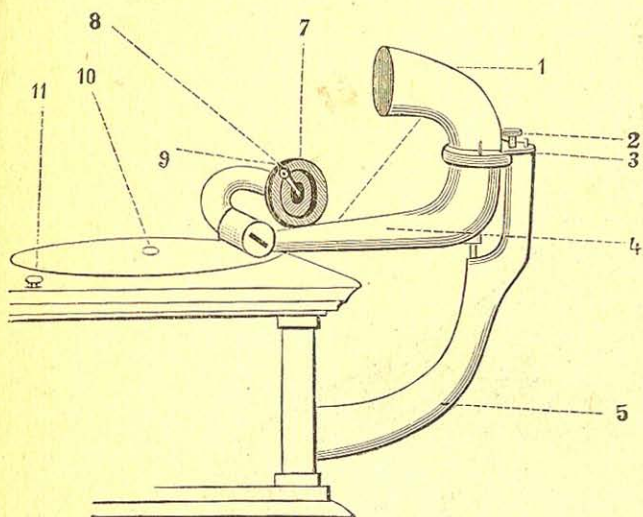

Рис. № 2. Схематическій чертежъ „Тонармъ“ 1904 г.

Концертныя мембраны Э. Джонсона, появившіяся одновременно съ аппаратомъ *Монархъ*, разрѣшили новую проблему. Эта мембрана и создала колоссальный ростъ граммофоннаго дѣла.

Усовершенствованіе въ области рупоровъ создало извѣстное приспособленіе, давшее аппаратамъ граммофона названіе *Тонармъ*.

Усовершенствованіе въ области рупоровъ создало извѣстное приспособленіе, давшее аппаратамъ граммофона названіе *Тонармъ*.

Тонармы появились съ 1903—1904 гг.

Главнѣйшія черты *Тонарма* это то, что рупоръ не движется по нотѣ, вслѣдствіе чего нарѣзки на пластинкѣ, т. е. звуковыя борозды, неся гораздо меньшій напоръ, и разрабатываются меньше. Тяжесть диафрагмы остается постоянно одинаковой, что также уменьшаетъ порчу пластинокъ. Уничтожаются крикливость и дребезжаніе. Кромѣ того гораздо легче вставлять въ мембрану иглу, такъ какъ поднимается съ пластинки не весь рупоръ, а только колѣно съ мембраною.

Рисунки 1 и 2 представляютъ собою изображенія „Тонарма“ 1904 года. Рисунокъ 1 — общій видъ во время игры и рисунокъ 2 — схематическій чертежъ этого остроумнаго приспособленія.

Тонармъ 1904 года по конструкціи несравненно проще и компактнѣе 1903 г. Нѣсколько составныхъ частей аппарата 1903 года въ новомъ были замѣнены

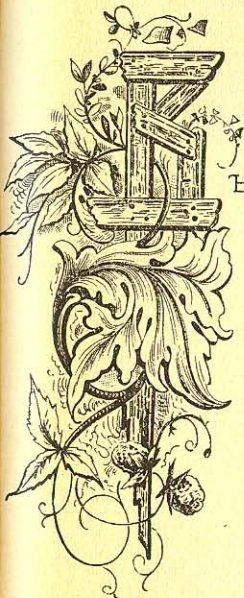
остроумно придуманнымъ колѣномъ, сохранившимъ всё его положительныя качества, но избѣгшемъ недостатковъ.

Въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ „Тонармъ“ 1904 года представляется такимъ образомъ: 1—это металлическое колѣно, куда вставляется рупоръ (см. рисунокъ 1), 2—винтъ, укрѣпляющій вилку 3; 3—вилка, держащая колѣно; 4—новый звуковой рукавъ; 5—колѣно-поддержка для всего звукового механизма; 6—ящикъ съ механизмомъ, приводящимъ аппаратъ въ движеніе; 7, 8, 9—мембрана и полукольцо для нея; 10—длекъ, на который накладываются пластинки и т. д.

Тонармъ. 1907 г.

Граммофонъ въ настоящее время.

Въ настоящее время граммофонъ представляетъ наиболѣе усовершенствованный типъ аппарата передающаго звуки, человѣческую рѣчь и музыку, и при томъ съ силою почти одинаковою съ первоначальной. То есть съ силою человѣческой рѣчи, пѣнія, звуковъ инструмента или оркестра. Эта сила дѣлаетъ почти незамѣтнымъ тотъ шумъ, который происходитъ при треніи иглы о пластинку, и который во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ передачѣ. Цѣлая коллегія инженеровъ, специально изучающихъ граммофонное дѣло и посвятившихъ себя ему, работаютъ надъ прогрессивнымъ усовершенствованіемъ аппаратовъ и въ этой научной работѣ устраненіе шума поставлено на первомъ мѣстѣ. Кто видѣлъ первые фонографы, появившіеся въ Россіи вскорѣ послѣ ихъ изобрѣтенія и слышалъ ихъ передачу звуковъ, слабую, въ которой человѣчeskій голосъ былъ похожъ на голосъ балаганнаго „петрушки“, тотъ воочію убѣдится въ огромномъ прогрессѣ изобрѣтенія, подчинившаго себѣ свободное дотолѣ человѣческое слово.

Современный граммофонъ, воспроизводящій въ передачѣ почти съ тою же силою всѣ звуки, въ техническомъ отношеніи явился несравненно удобнѣе фонографа именно по этой силѣ звука, по прочности, удобству обращенія и большей долговѣчности пластинокъ.

Каждому изъ читающей и слышавшей граммофонъ, публики теперь понятна и проста примитивная идея его устройства: игла скользитъ по пластинкѣ, приводитъ въ дрожаніе діафрагму въ мембранѣ, издающую звукъ, который усиливается рупоромъ.

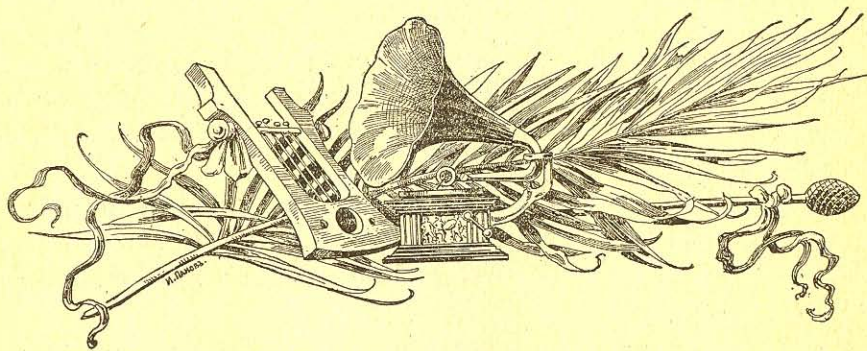
Но чтобы охватить эту идею, вырвать ее изъ сокровенныхъ нѣдръ природы, таящей еще безконечное количество новыхъ изобрѣтеній и открытій—для этого понадобился гений, и мы не ошибемся, если назовемъ гениальнымъ это изобрѣтеніе.

Въ настоящее время передача звука ограничена пластинкою, которая не можетъ быть, при аппаратѣ извѣстной величины, болѣе опредѣленнаго размѣра, а слѣдовательно и граммофонъ можетъ производить передачу съ одной пластинки лишь опредѣленное время.

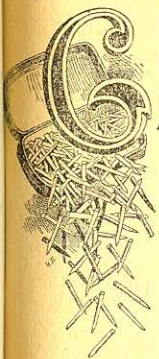
Но уже теперь работаютъ надъ увеличеніемъ этого „опредѣленнаго времени“, стремясь замѣнить его временемъ „произвольнымъ“, то есть заставить аппаратъ передавать звуки сколько это угодно слушателю. Непрестанная работа творческой человѣческой мысли въ этомъ направленіи уже достигла извѣстныхъ результатовъ, но эти результаты пока еще нельзя признать совершенными. Оказалось необходимымъ мѣнять иглу, то есть вмѣшивать работу человѣческихъ рукъ въ автоматическую работу самого аппарата. Но уже недалеко то время, когда человѣческая мысль побѣдитъ и это препятствіе: граммофонъ тогда будетъ совершеннымъ аппаратомъ, эхомъ свободнаго человѣческаго слова, эхомъ музыки, и его роль въ этомъ отношеніи безгранична.

Аппараты граммофоновъ въ настоящее время распространяются все болѣе и болѣе, а въ связи съ ихъ распространеніемъ они дешевѣютъ, становясь доступными самой небогатой публикѣ. Весьма недалеко то время, когда граммофонъ будетъ также распространенъ, какъ швейная машина и вытѣснитъ совершенно всѣ автоматическіе музыкальные аппараты. Когда онъ явится необходимою принадлежностью всякой семьи, народныхъ развлеченій, научныхъ изслѣдованій, популяризаторомъ и распространителемъ музыкальнаго искусства.

Однимъ изъ важныхъ изобрѣтеній недавняго времени въ граммофонномъ дѣлѣ слѣдуетъ считать граммофонъ передающій звуки съ помощью давленія воздуха, и мы перейдемъ къ этому новому граммофону въ слѣдующемъ очеркѣ.

Послѣдняя новость граммофоннаго дѣла.

АМЫМЪ послѣднимъ изобрѣтеніемъ въ области граммофоновъ явился „оксетофонъ“, передающій звуки при помощи сжатого воздуха, доставляемаго компрессоромъ. Новымъ изобрѣтеніемъ были достигнуты невозможные до настоящаго времени ни для какихъ говорящихъ машинъ ясность и сила звука, сохраненіе тембра голоса и полная иллюзія для слушателей. Оксетофонъ можетъ замѣнить оркестръ и въ настоящее время является лучшимъ изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, передавая музыку или пѣніе въ любомъ тонѣ; послѣдній устанавливается специальнымъ регуляторомъ.

Оксетофономъ можно пользоваться съ легкостью, при чемъ для установки его не требуется какихъ либо специальныхъ знаній.

Весь аппаратъ состоитъ изъ электро-мотора, цилиндра для сжатого воздуха, трехпружиннаго граммофона и пр., каковыя части помѣщены въ изящномъ, тщательно отдѣланномъ и полированномъ шкафчикѣ краснаго дерева.

Оксетофонъ въ отличіе отъ другихъ граммофоновъ, построенъ на совершенно новыхъ началахъ; конструкція его заслуживаетъ вниманія всякаго, интересующагося граммофонами, такъ какъ къ оксетофону примѣнена пневматическая передача звука, употребляемая при органахъ и другихъ разнородныхъ автоматически-играющихъ инструментахъ. Существующіе граммофоны передаютъ звуки вслѣдствіе колебанія діафрагмы въ мембранѣ черезъ посредство стальной иголки, которая слѣдуетъ по волнистымъ нарѣзкамъ въ пластинкѣ.

Оксетофонъ также имѣетъ какъ мембрану, такъ и иголку, но на этомъ дальнѣйшее сходство его съ обыкновеннымъ граммофономъ прекращается. Мембрана оксетофона діафрагмы не имѣетъ. Мембрана регулируется струей воздуха, на которую, такъ сказать, отпечатываются звуковыя волны, составляющія мелодію.

На звукъ, передаваемый иголкой мембранѣ, направлена воздушная струя, благодаря которой получается сильное, ясное и естественное воспроизведеніе напѣтой пластинки.

Съ одной стороны мембраны приспособленъ клапанъ, представляющій изъ себя гортань оксетофона, изъ которой выходитъ совершенно чистый голосъ.

Если голосъ человѣка находится въ зависимости отъ расширенія и устройства гортани и вибраціи голосовыхъ связей, то тонъ и качество, выхо-

дящаго изъ мембраны оксетофона звука мѣняется пропорціонально діаметру выхода клапана, расширеніе и уменьшеніе котораго зависитъ отъ давленія воздуха.

Съ другой стороны мембраны находится гребенка, въ которую поступаетъ воздухъ изъ клапана. Гребенка регулируетъ притокъ воздуха и въ свою очередь контролируется вибраціями воздушной волны, передаваемыми иглой мембранѣ.

Въ результатѣ вышеизложеннаго получается абсолютно чистый и натуральный голосъ, воплощающій въ себѣ всѣ характерныя ноты голоса артиста, напѣвшаго пластинку.

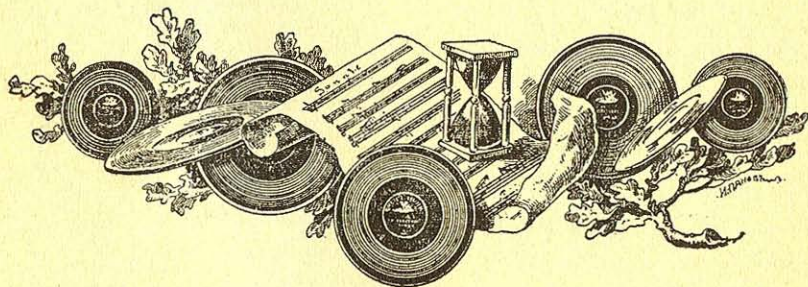
Небольшой, безшумный электромоторъ приводитъ въ движеніе компрессоръ, представляющій изъ себя легкія оксетофона.

Въ залѣ филармоніи въ Берлинѣ демонстрировали оксетофонъ въ присутствіи 5000 человѣкъ, при чемъ оксетофонъ передавалъ звукъ съ такой силой и ясностью, что восторгаться имъ могли всѣ присутствующіе.

Въ Лондонѣ оксетофонъ игралъ въ присутствіи 9000 человѣкъ, гдѣ произвелъ изумительный эффектъ.

Мы въ общихъ чертахъ могли лишь передать всю ту грандіозную метаморфозу, которую въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ пережила говорящая машина, чтобы явиться въ наши дни такими усовершенствованнымъ аппаратомъ, какъ граммофонъ-тонармъ съ концертной мембраной и оксетофонъ. Эта исторія граммофона полна примѣрами медленнаго, но вѣрнаго поступательнаго движенія человѣческаго генія.

Гигантскій ростъ въ усовершенствованіи граммофона—прочный залогъ его будущаго.

Великій артистъ

I.

Она любила только артистовъ. Простой смертный, познакомившійся съ нею, не могъ рассчитывать ни на что болѣе, какъ на самое вѣжливое, но холодное безразличіе. Будь онъ хоть-бы гений изобрѣтательности или науки, или обладай состояніемъ, затмѣвающимъ Ротшильда или Рокфеллера — она обратила-бы большее вниманіе на какого-нибудь опереточнаго тенора и ограничилась-бы холодной, ничего не значащей, фразой съ носителемъ гениальности или обладателемъ капитала. Она сама была богата и свободна, какъ можетъ быть свободна молодая двадцатипятилѣтняя женщина, разошедшаяся съ мужемъ и обладающая рентой въ сорокъ тысячъ франковъ. И вокругъ нея былъ постоянный кругъ изъ теноровъ, басовъ и баритоновъ всѣхъ странъ и національностей, а ея чудная вилла въ Балби звучала и пѣла на языкахъ всѣхъ народовъ.

Этотъ кругъ артистовъ ревниво охранялъ свою звѣзду, изгоняя изъ него всякаго простого смертнаго, который дерзновенно приближался къ этой царицѣ звуковъ.

Она появлялась, окруженная блестящей свитой артистовъ, имена которыхъ часто гремѣли въ Европѣ и соединяли съ собою и славу и деньги.

И всѣ эти всемірные басы и удивительные тенора были счастливы, если она позволяла имъ цѣловать свои руки или употребляла ихъ для порученій, какъ какихъ-нибудь комми.

Были-ли у нея любовники? Свѣтская сплетня называла сразу нѣсколько именъ, но ихъ обладатели ревниво косились другъ на друга, стараясь подмѣтить, кому ихъ божество оказываетъ больше предпочтенія.

Увы! приходилось вѣрить, что она любила ихъ всѣхъ одинаково, не отдаваясь никому.

Правда, одно время, она какъ будто склонялась въ сторону русскаго баса, огромнаго и могучаго, какъ сибирскаго медвѣдя, но басъ такъ и уѣхалъ въ свою холодную Россію, разочарованный въ возможности овладѣть неприступной крѣпостью.

Поль Дерри, молодой коммерсантъ изъ Парижа, не имѣлъ ни малѣйшаго шанса, чтобы обратить на себя вниманіе молодой красавицы.

Онъ былъ молодъ, красивъ, но что значили всѣ его достоинства, если у него не было голоса, и онъ даже первую строку марсельезы не могъ сфальшививъ, по крайней мѣрѣ, четыре раза.

Но Дерри былъ рѣшительный мужчина и привыкъ добиваться того, къ чему стремился. Настоящее-же стремленіе его были рука и сердце молодой женщины, противъ виллы которой и онъ нанялъ себѣ виллу.

И Дерри придумалъ гениальный планъ.

Однажды утромъ редакция мѣстной газеты была осчастливлена его появленіемъ.

— Миѣ нужно помѣстить въ вашей газетѣ статью о молодомъ артистѣ, — сказалъ онъ редактору, — который никогда не выступалъ и никогда не выступитъ передъ публикой. Онъ поетъ только у себя въ комнатѣ, по ночамъ, плотно опустивъ жалюзи на окнахъ и не зажигая огня. Это теноръ. Талантъ его колоссаленъ...

И Дерри положилъ передъ редакторомъ два билета по тысячѣ франковъ каждый.

— Судя по этимъ доказательствамъ, талантъ артиста довольно силенъ, — улыбнулся редакторъ. Онъ былъ чловѣкъ своего времени и болѣе коммерсантъ, чѣмъ редакторъ.

— И такъ я могу написать статью?

— Не болѣе ста строкъ, чтобы она появилась завтра. Иначе потребуется новое доказательство талантливости вашего артиста.

Тутъ-же, въ кабинетѣ редактора, Дерри написалъ весьма загадочную статью о не менѣе загадочномъ талантѣ и отдалъ ее редактору. Нужно-ли говорить, что въ статьѣ стояло его имя и адресъ его виллы.

Въ тотъ-же день изъ парижскаго магазина компаніи „Граммфонъ“ съ величайшими предосторожностями на виллу Дерри были доставлены два ящика и водворены въ комнату со спущенными жалюзи.

На другой день въ газетѣ появилась статья о таинственномъ артистѣ, которую поспѣшили перепечатать парижскія газеты, и передъ виллой въ Балъи начали появляться любопытные люди, желавшіе послушать таинственного пѣвца. Пѣвца, который пѣлъ только для себя и для своей влюбленной подруги, какъ поетъ соловей.

Наблюдая изъ закрытаго окна этихъ посѣтителей, Дерри съ торжествомъ увидалъ свою очаровательницу, Сусанну Дюпрѣ, окруженную цѣлымъ созвѣздіемъ изъ гениевъ и талантовъ.

Всѣ эти господа ревниво поглядывали на окно со спущенными жалюзи, бросая на него взгляды, похожіе на револьверные выстрѣлы, но среди этихъ смертоносныхъ взглядовъ Дерри успѣлъ подмѣтить любопытные и выжидающіе глазки Сусанны.

Тогда осторожно, чтобы не выдать себя ни звукомъ, Дерри плотнѣе закрылъ жалюзи и завелъ граммофонъ, поставивъ лучшую пластинку всемірно извѣстнаго итальянскаго тенора.

Онъ заставилъ инструментъ повторить ее два раза и смолкъ, несмотря на аплодисменты, раздавшіеся на улицѣ.

Никогда ни одинъ артистъ не былъ такъ скромнъ какъ Дерри. Полуоткрывъ въ жалюзи маленькую щелку, онъ украдкой взглянулъ въ окно и увидѣлъ Сусанну, окруженную своимъ созвѣздіемъ, направлявшуюся къ своей виллѣ.

Она нѣсколько разъ оборачивалась и смотрѣла на окно, а ея поклонники казались сильно возбужденными и взбудораженными.

— Ударъ былъ вѣренъ, — подумалъ Дерри.

На другой день онъ повторилъ свой маневръ и опять имѣлъ удовольствіе видѣть Сусанну и слышать аплодисменты.

А на третій день онъ получилъ изящный маленькій конвертикъ, въ которомъ лежала раздушенная записочка.

Сусанна Дюпрѣ, мучимая любопытствомъ, сама приглашала къ себѣ таинственнаго артиста.

II.

Они стали знакомы.

Окруженный вниманіемъ молодой женщины, Дерри надѣлъ на себя маску замкнутости и таинственности.

Напрасно таланты и гени старались затмить его, напрягая свои легкія — Дерри молчалъ. Онъ не слася и тогда, когда сама Сусанна, сѣла къ роялю и упрасивала его спѣть свою дивную вчерашнюю арію, даря его многообщающими взглядами.

Дерри молчалъ.

Нѣтъ, онъ не можетъ пѣть при людяхъ. Онъ поетъ только для искусства, всецѣло отдаваясь ему, и никому больше. Онъ пѣлъ на вершинѣ египетской пирамиды, пѣлъ въ пустынь Африки подъ трепетнымъ блескомъ тропическаго луны, поетъ только у себя, во мракѣ комнаты, въ которой спущены жалюзи. Онъ не можетъ пѣть, видя внимательныя человѣческія лица.

Только при одномъ человѣкѣ онъ могъ-бы пѣть --- это при своей женѣ или возлюбленной.

Сусанна не упрасивала его болѣе. Она стала задумчивой и разсѣянной.

Женское любопытство ея было затронуто, въ ней была затронута и гордость женщины, привыкшей къ нераздѣльному, единственному поклоненію.

И этотъ таинственный артистъ съ мечтательнымъ лицомъ, пѣвшій для бездушнѣйшей пирамиды и не хотѣвшій пѣть для нея, Сусанны, и раздражалъ ее и привлекалъ въ одно и то-же время.

Послѣ ужина, когда таланты и гениі ушли, облобызавъ милостиво протянутыя имъ маленькія ручки, Сусанна тихо шепнула Дерри:

— Оставайтесь.

Я не буду разсказывать вамъ про тайны маленькой виллы, про все то, чему были свидѣтелями только обитыя золотистымъ шелкомъ стѣны будуара и нѣжный сумракъ алькова.

Все произошло совершенно такъ, какъ происходить, когда молодые мужчина и женщина почувствуютъ влеченіе другъ къ другу.

Для насъ важнѣе то, что произошло на другой день.

Сусанна стояла въ таинственной комнатѣ виллы Дерри, закрывъ лицо руками; передъ ней на колѣняхъ стоялъ Дерри, а на столикѣ у окна весело сверкалъ въ лучахъ солнца рупоръ граммофона.

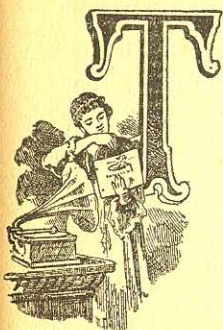
— Повѣрь, что только изъ любви къ тебѣ я рѣшился на эту комедію, — страстно говорилъ Дерри. — И если ты оставишь меня и уйдешь къ своимъ артистамъ, я разобью граммофонъ и пушу себѣ въ лобъ пулю.

— Нѣтъ, не трогай его, — произнесла, наконецъ, Сусанна. — Пусть граммофонъ останется у насъ. Вѣдь онъ замѣнитъ намъ съ тобой моихъ бѣдныхъ артистовъ.

Николай С.

Грамофонъ въ семью.

ИХІЯ деревенскія сумерки. Въ окна кабинета смотрѣли опушенные инеемъ дерева, на которыхъ игралъ розоватый отблескъ потухающей зари. Мы съ пріятелемъ, къ которому я пріѣхалъ, сидѣли въ его кабинетѣ, куда намъ подали кофе, послѣ сытнаго деревенскаго обѣда, охваченные той благодушной лѣнью, когда тихіе сумерки такъ гармонируютъ съ общимъ состояніемъ духа. Нарочно не зажигали лампу, не хотѣлось даже разговаривать, и мы молча курили, улыбаясь другъ другу глазами довольныхъ людей, которые рады взаимной встрѣчѣ.

— Знаешь что, сейчасъ Лиза заведетъ грамофонъ, сказалъ мой пріятель.

— Грамофонъ? воскликнулъ я съ ужасомъ! мнѣ вспомнились тѣ воющіе, хрипящіе и шипящіе звуки, которые преслѣдовали меня на дачѣ какъ-то лѣтомъ. Тамъ у сосѣдей на верху былъ какой-то невѣроятный аппаратъ со стертими пластинками, который они заводили круглые сутки, никогда не мѣняя иглы.

— Ты, кажется, испугался, улыбнулся мой пріятель.—Можетъ быть не-пріятное воспоминаніе? Какой угодно музыкальный инструментъ можно сдѣлать орудіемъ пытки, а такой, который производитъ звуки автоматически—въ особен-ности. Не забудь, что къ грамофону какъ къ аппарату, воспроизводящему пѣніе и живое человѣческое слово, мы особенно чутки. А если съ грамофономъ обра-щаются какъ съ шарманкой, не мѣняютъ иглы, не берегутъ пластинки,—понятно, что вмѣсто пѣнія получается какофонія. Но не безпокойся, мы не изъ этого сорта грамофонистовъ и здѣсь, въ деревнѣ, бережемъ аппаратъ.

— Сейчасъ, отозвалась изъ другой комнаты жена пріятели.—Я поставлю арію Михайловой съ флейтой... твое любимое.

Недовѣрчивая улыбка еще не сошла съ моихъ губъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздалось чарующее, такъ хорошо знакомое и мнѣ, сопрано Михайловой.

Нѣжные, мечтательные звуки флейты словно переплелись съ серебри-стыми переливами голоса, и какъ они шли къ тихимъ, угасающимъ зимнимъ сумеркамъ!

Я вслушивался съ удовольствіемъ возраставшимъ все болѣе и болѣе, недо-
вѣрчивая улыбка сошла уже съ моихъ губъ, а пріятель снисходительно покачивалъ
мнѣ головой.

— Увѣровалъ? сказалъ онъ мнѣ, когда арія была окончена.

— Но у тебя вѣрно какой-нибудь новый усовершенствованный аппаратъ?
возразилъ я.

— Ничуть не бывало... Самый обыкновенный тонармъ съ концертной
мембраною. Все зависитъ отъ того, какъ обращаются съ инструментомъ. У насъ
онъ находится въ непосредственномъ вѣдѣніи жены и никто не смѣетъ къ нему
прикастаться. Каждая пластинка въ отдѣльномъ чехлѣ и бережется какъ
сокровище.

— Еще-бы! Эти пластинки—наши друзья! отозвалась изъ другой комнаты
Елисавета Александровна.—Ну, слушайте, я поставлю вамъ Ссбинова.

И мы прослушали ихъ всѣхъ. Всѣ знаменитости пѣли намъ въ деревен-
ской глуши при свѣтѣ угасающихъ зимнихъ сумерокъ, и, временами, я забывался
до иллюзіи.

Передо мною, то вставалъ ярко сверкающій электричествомъ залъ Москов-
скаго Большого театра, то грезились голубые заливы Днѣпра, мелькали знакомыя
лица артистовъ.

Я не замѣтилъ, какъ прошли два часа и сумерки смѣнились ночью. За-
жгли лампы. Нашъ импровизированный концертъ окончился.

За чаемъ мы разговорились о граммофонѣ.

— Для насъ, въ глуши, это незамѣнимое изобрѣтеніе, говорилъ мой
пріятель.—Мы безвыѣздно живемъ въ деревнѣ. Та жизнь, которою живутъ города,
гдѣ блещетъ искусство, проходила-бы мимо насъ, если-бы не эти черныя круглыя
пластинки, которыя мы почти каждый мѣсяць получаемъ изъ Москвы. И вотъ до
насъ, какъ эхо, доносятся отголоски изъ Scala, изъ Королевскаго театра въ
Берлинѣ, изъ русскихъ Императорскихъ театровъ... У насъ играютъ и Кубеликъ
и Гофманъ, поютъ первоклассные артисты.

— Нѣтъ, Миша, граммофонъ въ семьѣ просто необходимъ, замѣтила жена.

— Какъ хорошее и разумное развлеченіе, замѣтилъ я.

— Изъ недавняго противника ты сталъ уже апологетомъ, засмѣялся
пріятель. Но твоя апологія все-же не полна. Не одно развлеченіе, но и воспита-
тельное средство. Наши дѣти совершенно незамѣтно знакомятся съ музыкою во
всѣхъ ея лучшихъ произведеніяхъ. У нихъ вырабатывается музыкальный слухъ.
Вотъ самый младшій, шестилѣтній Жоржикъ, умѣетъ даже кое-что напѣвать со
знакомыхъ пластинокъ.

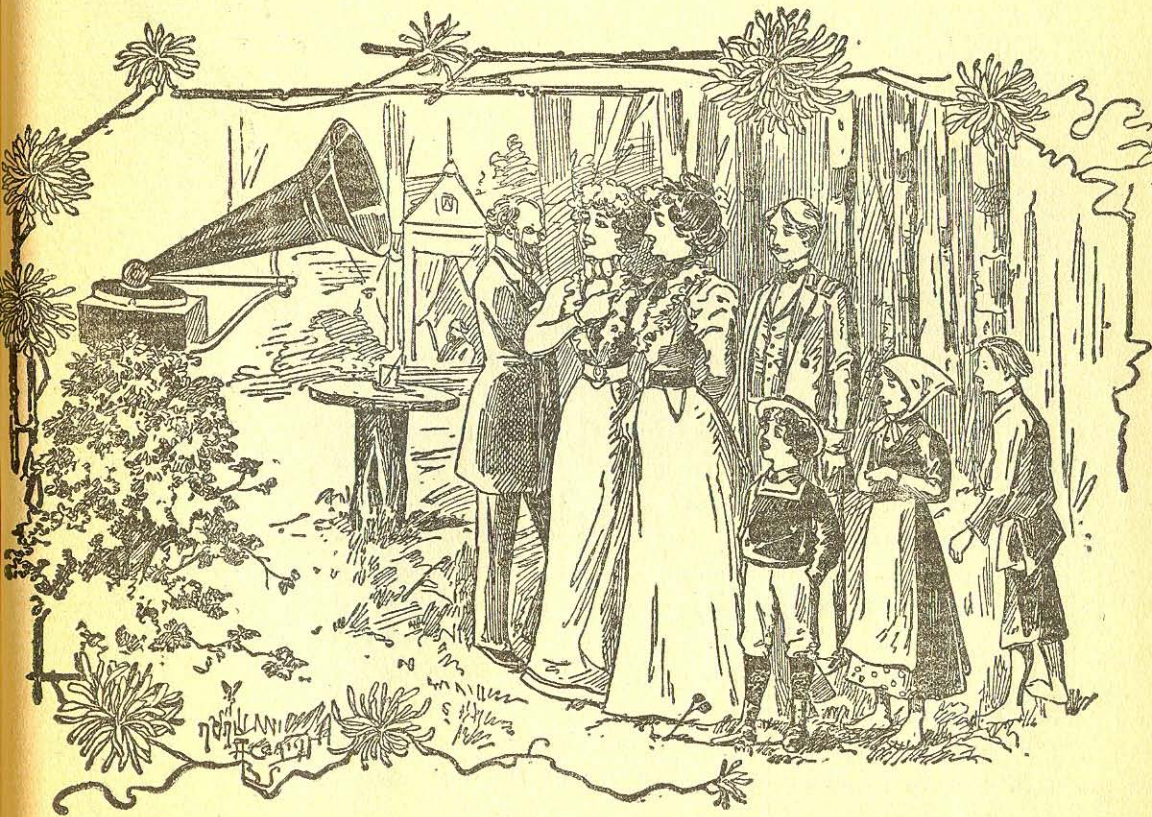
— Ахъ, какъ онъ вчера уморительно пропѣлъ мнѣ арію Ленскаго „Въ
вашемъ домѣ“, засмѣялась жена.

— Уморительно, а вѣрно. Конечно для шестилѣтняго карапуза. А слухъ и у него замѣтно выработался. Старшій, Коля, въ его года „Сѣраго козлика“ пѣлъ и то въ одну ноту, потому что тогда у насъ не было граммофона.

— Нѣтъ, граммофонъ, незамѣнимая вещь для семьи, закончилъ мой пріятель;—мы и сами знакомимся съ современной музыкою и развиваемъ музыкально дѣтей. Какъ знать, можетъ быть, благодаря граммофону, Собиновы и Шаляпины будутъ у насъ появляться чаще, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Теперь, когда у меня есть свой граммофонъ, и я тщательно слѣжу за успѣхами граммофоннаго дѣла, я часто вспоминаю моего деревенскаго пріятеля и все болѣе убѣждаюсь, что онъ былъ правъ.

А. Христинъ.

Историческое и національное значеніе граммофона.

ВСЯКОЕ человѣческое изобрѣтеніе имѣетъ болѣе или менѣе важное значеніе, какъ для исторіи и прогресса всего человѣчества, такъ и для отдѣльныхъ его національностей.

Если изобрѣтеніе компаса и пороха, изобрѣтеніе книгопечатанія двинули впередъ прогрессъ всего человѣчества, то тотъ-же компасъ помогъ испанцамъ открыть Америку, а порохъ завоевать ее съ ничтожнымъ количествомъ людей.

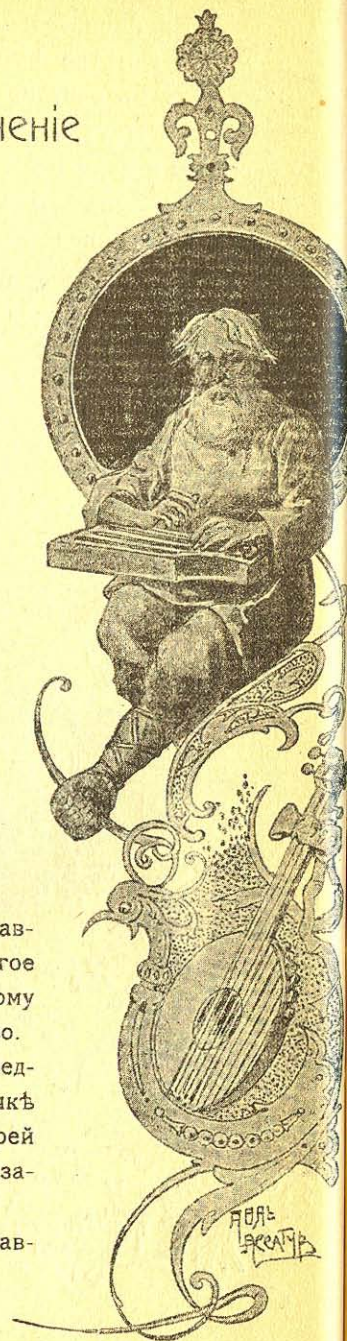
Если книгопечатаніе открыло способъ широкаго распространенія человѣческой мысли и знанія для всего міра, то оно же дало Европѣ преобладаніе надъ остальными частями свѣта.

Изобрѣтеніе способа передавать человѣческое слово и музыку съ помощью механическаго аппарата мы можемъ сравнить съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Это изобрѣтеніе имѣетъ также важное историческое и національное значеніе.

Проходятъ времена, мѣняются цѣлыя поколѣнія, оставляя на землѣ слѣды своей творческой работы, но многое они уносятъ съ собой въ тайну забвенія и вѣчности. Такому забвенію подвержено болѣе всего живое человѣческое слово.

Развѣ мы имѣемъ какое-нибудь, хоть малѣйшее, представленіе о музыкѣ и пѣсняхъ древнихъ римлянъ, о музыкѣ германскихъ сагъ, норвежскихъ легендъ, пѣннѣи кобзарей Малороссіи, музыкѣ гусяровъ и пересказѣ былиноскоказателей древней Руси?

Мы можемъ только до извѣстной степени представлять все это и, на представленіи „Юлія Цезаря“ въ Художественномъ театрѣ, при тихомъ звукѣ флейты, сопровождающемъ молитву жрецовъ, намъ кажется, что мы слышимъ настоящую древне-римскую музыку.

Но вѣдь это только кажется. Та же афиша, которую вы держите въ рукахъ во время спектакля, скажетъ вамъ, что музыка къ „Юлію Цезарю“ написана москвичемъ Маныкинымъ-Невструевымъ, еще молодымъ человѣкомъ, который не былъ даже въ современномъ „папскомъ“ Римѣ.

Наши грядущія поколѣнія въ этомъ отношеніи счастливѣе насъ: наша музыка, наши напѣвы, нашъ языкъ не умретъ для нихъ; наши звуки, ихъ особенности, навѣки сохранить для нихъ граммофонная пластинка.

Со времени изобрѣтенія граммофона исторія человѣчества записывается и перомъ и звуками.

Въ этомъ важное историческое значеніе граммофона.

Его національное значеніе вытекаетъ изъ историческаго.

Искусство „былиннаго сказа“ совсѣмъ, напримѣръ, умерло на Руси. Въ настоящее время найдется не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ до извѣстной степени умѣющихъ искусно подражать „сказателямъ былинъ“. Одинъ изъ такихъ „сказателей“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ приглашался даже къ Высочайшему Двору, а портретъ старухи „сказательницы“ обошелъ въ свое время всѣ русскія газеты.

Но они только подражатели. Настоящее искусство былиносказанія не сохранилось.

Каждая національная эпоха имѣетъ свои особенности, свои пѣсни, свою музыку. Особенности нашей эпохи запечатлѣетъ граммофонная пластинка. Черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, при совершенно новыхъ формахъ жизни, наши потомки услышатъ нашу теперешнюю заунывную крестьянскую пѣсню, или фабричную частушку. Она сохранитъ на вѣки голоса знаменитыхъ пѣвцовъ, когда забудется не только ихъ слава, но и самыя ихъ имена. Она передастъ потомству голоса давно сошедшихъ въ могилу историческихъ дѣятелей.

Грамофонъ въ музыкальномъ искусствѣ.

НѢтъ сомнѣнiя, что въ музыкальномъ искусствѣ грамофонъ создалъ новую эру въ механическомъ воспроизведенiи музыки. Въ этомъ отношенiи онъ далъ самое художественное воспроизведенiе музыки. Самые нѣжные, самые тонкiе нюансы, самое нѣжное piano до мельчайшихъ тембровъ голоса пѣвца или звука инструмента, приводимаго въ дѣйствiе человѣкомъ, все что было недосягаемо до сихъ поръ для грубаго механическаго исполнителя,—все это оказалось достижимымъ для грамофона, благодаря чувствительности мембраны и самымъ нѣжнымъ колебанiямъ—можно сказать, что музыка во всей ея полнотѣ была механически воспроизведена только грамофономъ.

Конечно, мы далеки утверждать, что исполненiе грамофономъ музыкальныхъ произведенiй и передача имъ голоса пѣвца, представляютъ изъ себя идеальное совершенство, но въ сравненiи съ механическими производителями, грамофонъ несомнѣнно идеаль и недостижимый.

Есть и второе важное значенiе грамофона—это популяризацiя имъ музыки. Въ самомъ дѣлѣ—туда, куда проникаетъ легко перевозимая грамофонная пластинка, не такъ легко проникнетъ артистъ. Есть такiе медвѣжьи углы въ нашей родинѣ, гдѣ не только никогда не слышали выдающихся артистовъ нашего времени, но даже не знаютъ ихъ именъ. И вотъ грамофонная пластинка приноситъ имъ не только имя, но и нѣчто большее: частицу таланта артиста, его художественное исполненiе. Тысячи людей найдутся несомнѣнно въ Россiи, которые никогда бы не услышали Шаляпина или Собинова, но которые знакомы съ ними, благодаря грамофону. Благодаря грамофону музыкальное, художественное исполненiе артиста стало возможнымъ распространять, какъ художественное произведенiе писателя. Пластинка грамофона стала играть для артиста ту же роль, какую для писателя играетъ книга.

Эта популяризацiя музыки самая крупная заслуга грамофона, и если Гуттенбергъ считается отцомъ мысли, какъ изобрѣтатель книгопечатанiя, съ нимъ наравнѣ могутъ быть поставлены и тѣ, кто подчинилъ человѣку звукъ и нашелъ способъ печатать невидимыя колебанiя воздушныхъ волнъ.

Граммофонъ для народнаго образованія и развлеченій.

В дѣлѣ народнаго образованія и развлеченій, носящихъ также характеръ образовательный, за послѣднее время выдвинулись народныя чтенія, иллюстрируемые картинами изъ волшебнаго фонаря. Такія чтенія устраивались преимущественно попечительствами о народной трезвости, но за послѣднее время столичныя попечительства сдѣлали въ дѣлѣ народно-образовательныхъ развлеченій еще одинъ важный шагъ, открывъ народные оперные спектакли преимущественно народно-классическаго репертуара. Глинка, Чайковскій, Сѣровъ и другіе имена русскихъ композиторовъ стали ближе къ народу, былъ открытъ народу хотя маленькій доступъ къ серьезной и, главное, русской музыкѣ, но къ сожалѣнію это было сдѣлано только для населенія столицъ, такъ или иначе знакомаго уже съ театромъ, искушеннаго жизнью большого города и обособившагося отъ сѣраго деревенскаго элемента—настоящаго народа Россіи.

Между тѣмъ музыкальное образованіе народа, проведеніе его въ массу, если можно такъ выразиться, музыкальныхъ мыслей, стоитъ въ большой связи съ его общимъ образованіемъ.

Но если столичныя попечительства сдѣлали въ этомъ направленіи маленькій шагъ открытіемъ народныхъ театровъ, почти вся остальная Россія осталась обойденною вслѣдствіе невозможности губернскимъ, а въ особенности уѣзднымъ попечительствамъ пойти по слѣдамъ столичныхъ, субсидируемыхъ правительствомъ, изъ за простаго недостатка средствъ.

Дѣйствительно, устроить сцену, а главное пригласить оперныхъ артистовъ, составить ансамбль—все это очень трудно даже при наличности средствъ, а по уѣзднымъ русскимъ угламъ и просто невозможно.

Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, однако, до крайности простъ: если для наглядности при объяснительномъ чтеніи завоевалъ права гражданства волшебный¹ фонарь, проникнувшій даже въ сельскую школу, то во второмъ случаѣ на помощь является граммофонъ.

И, дѣйствительно, во многихъ попечительствахъ граммофонъ употребляется уже давно, служа и средствомъ развлеченія, и достигая нѣкоторымъ образомъ, и

указанной выше цѣли, но несомнѣнно, что совмѣстное употребленіе при народныхъ чтеніяхъ граммофона и волшебнаго фонаря принесло-бы еще большую пользу.

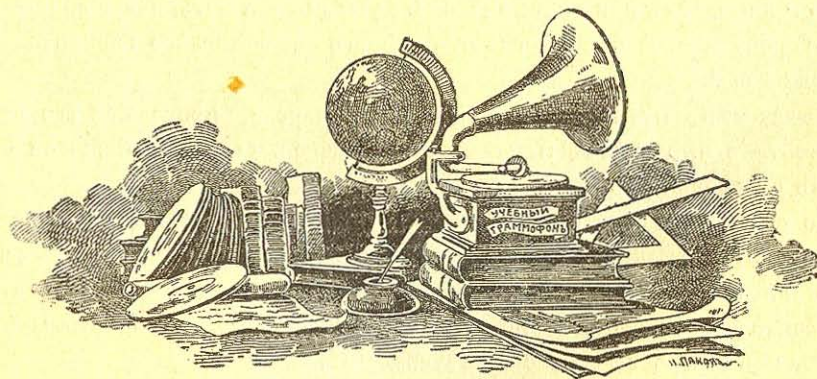
Въ настоящее время на этотъ вопросъ обращено большее вниманіе, что доказываетъ какъ увеличивающійся спросъ на граммофоны для народныхъ учреждений, такъ и начавшееся распространеніе ихъ въ войскахъ для солдатскихъ чайныхъ и буфетовъ.

Чайная въ полку—это мѣсто культурнаго отдыха для солдата, свой клубъ; это учрежденіе возникнувшее сравнительно недавно, когда солдатскій бытъ подвергся кореннымъ преобразованіямъ. Здѣсь для солдата имѣеть большое значеніе воспитательное развлеченіе, книги, журналы и граммофонъ, который вы часто встрѣтите теперь въ полкахъ.

И съ какимъ интересомъ прислушиваются солдаты къ новымъ звукамъ, вылетающимъ изъ блестящаго рупора!

Недалеко то время, когда граммофонъ будетъ вѣрнымъ другомъ народнаго учителя!

Ларовъ.

Граммофонъ на послѣдней Русско-Японской войнѣ.

(Изъ записной книжки офицера).

I.

ТО было во время Мукденскаго сидѣнья. Наши позиціи, протянувшіяся, казалось, на безкопечное пространство, точно на вѣки притянули насъ къ себѣ. Казалось, что это утомительное бездѣйствіе, прерываемое, изрѣдка артиллерійской канонадою и ночными тревогами, никогда не кончится, и дни проходили за днями такіе-же однообразные, какъ и желтыя сопки, передъ нашими глазами, въ которыхъ гнѣздился невидимый, но чуткій непріятель. Самое скверное время на войнѣ — это бездѣйствіе, бездѣйствіе въ ожиданіи боя, когда ждешь его отъ неожиданнаго натиска противника, неизвѣстно когда, неизвѣстно откуда.

Натянутые, вначалѣ, у всѣхъ нервы, наконецъ, притупились — человекъ въѣдъ свыкается со всѣмъ, но скука глодала всѣхъ, и отъ этой скуки не было спасенія.

Утро будило насъ въ нашихъ землянкахъ-норахъ и мы выползали въ траншею, гдѣ бродили сѣрые солдаты въ лохматыхъ папахъ со спутавшейся шерстью, гдѣ-нибудь начиналась перестрѣлка, и по вершинамъ сопокъ прокатывался грохотъ скрытыхъ баттарей, иногда стрѣляли и мы, и только мелодичное посвистываніе надъ нашими головами японскихъ пуль, да изрѣдка разрывъ шрапнели и шимозы напоминали намъ о бодрствующемъ противникѣ.

Обѣдали кучками, собравшись въ какой-нибудь землянкѣ, а потомъ приходила ночь, съ ея дежурствами, сторожевой службой, ложными тревогами и кошмарными снами.

Книгъ не было. Изрѣдка попадали къ намъ запоздавшіе номера „Вѣстника Маньчурской арміи“, изъ которыхъ мы, къ нашему удивленію, узнавали, что у насъ было сраженіе, или что-нибудь не менѣе изумительное, читали рѣдкія телеграммы да объявленія о пропавшихъ лошадяхъ.

У моего сожителя по землянкѣ былъ старій, истрепанный путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ, и многіе изъ насъ прочитали его по нѣскольку разъ отъ корки до корки.

Возвращеніе изъ тыла выздоровѣвшихъ товарищей было для насъ уже событіемъ. Они привозили свѣжія новости, рассказывали о Харбинѣ, въ которомъ жизнь кипѣла какъ въ кафешантанѣ, и гдѣ можно было не только по человѣчески ѣсть и спать, но даже побывать въ театрѣ, въ циркѣ, въ ресторанѣ, а при достаточномъ количествѣ презрѣннаго металла даже угорѣть отъ веселья.

Вернулся къ намъ и поручикъ Р—скій, раненный подъ Шахэ двумя пулями и назначенный было въ тыловыя войска, но пожелавшій вернуться къ сѣрымъ боевымъ товарищамъ.

Пріѣхалъ онъ къ завтраку и за нашимъ походнымъ котелкомъ угостилъ насъ привезенной изъ Харбина водкой.

— А хорошо, господа, живутъ въ тылу, — рассказывалъ онъ намъ. — Особенно въ транспортахъ. Настоящіе помѣщики. Денегъ куча—и всего въ волю. Въ Россіи офицеры такъ не ѣдятъ, какъ кушаютъ господа командиры транспортовъ.

— Не кладутъ охулки на руку, — проворчалъ нашъ любимецъ, капитанъ С—въ.

— А знаете, чѣмъ меня тамъ угощали?—спросилъ Р—скій. — Держу пари, что не отгадаете... Граммофономъ!

— Ну!—поразился С—въ.

— Ей Богу... Бяльцеву слушалъ, Собинова, Титто-Руффо, Баттистини, Сѣверскаго...

— Просто въ Россіи побывалъ!—съ завистью замѣтилъ Д—въ, любитель-музыкантъ, уже болѣе года лишенный возможности притронуться къ клавишамъ рояля... Эхъ! Тутъ и музыку забудешь!

— Японской-то музыки мало!—сострилъ кто-то.

— Вотъ-бы намъ сюда граммофонъ! — пробурчалъ С—въ. Д—въ подхватилъ эту мысль.

— А чтобы и въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь пустяки стоять. Въ десять разъ больше въ карты проиграешь. Сложится всемъ по нѣсколько рублей да и телеграфировать въ Москву!—сталъ развивать эту мысль Р—скій.

— Выпишемъ, выпишемъ!—раздались голоса.

— Пусть адъютантъ доложитъ командиру полка!

— Господа, зачѣмъ граммофонъ? Бой скоро...

— Ну, до боя-то еще далеко! Еще насидимся!

— Конечно выписать.

Рѣшено было выписать граммофонъ. Командиръ полка, добродушный старикъ, утомленный боевыми передрягами, превратился сначала отъ недоумѣнія въ соляной столбъ и не скоро могъ понять въ чемъ дѣло.

— Въ японцевъ, что-ли стрѣлять изъ граммофона?—пошутилъ онъ, наконецъ.

— Два мѣсяца сидимъ безъ стрѣльбы и еще Богъ вѣсть сколько просидимъ, а граммофонъ можетъ быть у насъ черезъ мѣсяцъ, — привелъ адъютантъ вѣскій доводъ, — по крайней мѣрѣ развлеченіе будетъ.

— Да выписывайте, Богъ съ вами!—разрѣшилъ, наконецъ, командиръ. — Удобна-ли только музыка на позиціи?

— Конечно удобна... Для поднятія духа!

— И солдатъ повеселимъ.

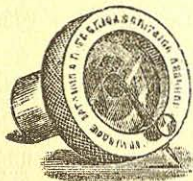
— Пусть и японцы послушаютъ. Въ тихій вечеръ у нихъ будетъ слышно!

Адъютанта посадили сочинять телеграмму въ Москву въ компанію „Граммoфонъ“, но ему мѣшали, такъ какъ при выборѣ пластинокъ каждый хотѣлъ непременно выписать нѣсколько штукъ по своему вкусу, и телеграмма получилась чуть-ли не въ триста словъ.

Требовали Вяльцеву, Михайлову, итальянскихъ артистовъ, Собинова, Шаляпина, цыганскіе романсы, оркестры, а С—въ усиленно стоялъ на томъ, чтобы выписать побольше юмористическихъ разказовъ и Петра Невскаго.

— Все остальное вздоръ!—рѣшилъ онъ безапелляціонно. Д—въ обругалъ его за это толстокожимъ боровомъ, а измученный адъютантъ обругалъ насъ всѣхъ и яростно составилъ коротенькую телеграмму, въ которой выборъ пластинокъ представилъ магазину.

На другой день верховой нарочный былъ отправленъ въ Мукденъ съ нашей телеграммой и собранными деньгами.

II.

Начались дни ожиданія.

Странно, но прежней скуки уже не было. Ожиданіе чего-то новаго, что должно было принести намъ изъ далекой Россіи частичку близкаго и родного— это ожиданіе смягчало гнетущую насъ скуку.

По истерзанному путеводителю мы вычисляли, гдѣ, по нашему предположенію, должна была находиться интересовавшая насъ посылка. Одни говорили что она уже въ Челябинскѣ, другіе, что еще въ Самарѣ, третьи, что граммофонъ еще запаковываютъ въ Москвѣ.

С—въ увѣрялъ всѣхъ, что когда граммофонъ придетъ, онъ устроитъ въ своей землянкѣ именины и граммофонъ будетъ играть у него перваго.

Солдаты то-же подпали подъ общее настроеніе и то-же чего-то ждали. Благодаря деньщикамъ, служившимъ передаточною инстанціею между солдатами и офицерами, названіе „граммофонъ“ страшно перевирилось, и многіе солдаты были увѣрены, что выписанъ какой-то необыкновенный инструментъ, въ родѣ пулемета, изъ котораго будутъ подъ музыку стрѣлять въ японцевъ.

И въ траншеѣ острили на этотъ счетъ.

— Подъ музыку-то оно веселѣ!

— На Рождествѣ посидѣлки устроимъ, а замѣсто дѣвокъ — „апонцевъ“.

— Покажутъ тебѣ такія „дѣвки“.

— Господа офицеры придумали... Музыка сначала заиграетъ, „апонцы“ это высунутся, а мы ихъ сейчасъ... изъ винтовокъ!

— Эта машина человѣчьимъ голосомъ говоритъ!

— И по „апонски“ можетъ?

— И по „апонски“.

— Ну, братцы, значитъ она замѣсто переводчика къ намъ; потому наши господа офицеры по „апонски“ не могутъ, а „они“ смотри какъ здорово по нашему даютъ!

Шли дни, недѣли и первая экзальтація ожиданія стала уже проходить. Кстати у насъ произошелъ небольшой бой, и кое-кто изъ оживавшихъ успокоился навѣки, а другіе отправились въ тылъ, лѣчить раны.

Однимъ словомъ, все начинало входить въ прежнюю колею, какъ въ одинъ прекрасный день въ штабъ полка пріѣхалъ изъ тыла казначей и привезъ въ отдѣльной двуколкѣ нѣсколько ящиковъ.

Граммфонъ, наконецъ, прибылъ.

Въ этотъ день онъ игралъ въ штабѣ полка, окруженный толпою солдатъ и офицеровъ, но на другой день мы перетащили уже его въ траншею.

Помню этотъ первый вечеръ, тихій и теплый, несмотря на Январь. Выстрѣловъ не было, точно и мы и японцы заключили между собою молчаливое соглашеніе. Прощальные лучи солнца скользили по желтымъ сопкамъ, кое-гдѣ, по сѣвернымъ склонамъ, покрытымъ снѣгомъ, а у насъ въ траншеѣ гѣла Вяльцева и смѣялись веселыми мотивами „Корневильскіе колокола“.

Звуки, особенно оркестра, разносились далеко. Ихъ слушали даже въ сосѣднихъ полкахъ, а бывшіе въ передовыхъ постахъ рассказывали, что у нихъ слышно бывало все отъ слова до слова, а надъ японскими траншеями поднимались любопытные головы въ желтыхъ кэпи, слушали и одобрительно кричали намъ по-японски и по-русски.

У насъ, въ траншеѣ, стали появляться гости. Офицеры пріѣзжали вереть за десять, за пятнадцать, чтобы послушать граммфонъ. Выработался даже особый терминъ этихъ путешествій. Говорили не послушать „граммфонъ“, а „побывать однимъ кончикомъ уха въ Россіи“.

И дѣйствительно, сколько близкаго и родного приносили намъ, въ далекой Манджуріи, эти звуки!

Граммфонъ сталъ членомъ нашей семьи; мы даже величали его по отчеству Граммфонъ Ивановичъ, хотя слѣдовало-бы величать Эмилиевичъ, по имени его изобрѣтателя.

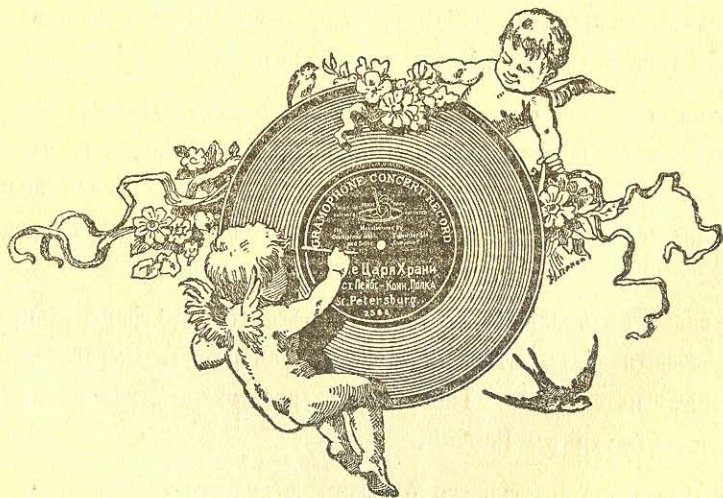
Но вотъ начались Мукденскіе бои, окончившіеся нашимъ отступленіемъ. Въ одной изъ перестрѣлокъ Граммфонъ Ивановичъ былъ раненъ: пуля пробила ему рупоръ. Играть на немъ было уже некогда и Граммфона Ивановича отправили въ тылъ.

И хорошо сдѣлали, а то нашъ раненый попалъ-бы въ плѣнъ къ японцамъ, уже великолѣпно освѣдомленнымъ о нашемъ граммофонѣ.

Онъ вернулся къ намъ только черезъ полтора мѣсяца, уже на Сипингайскихъ позиціяхъ, но сильно порѣдѣлъ слушавшій его прежде нашъ товарищескій кружокъ, не было Д—ва, не было Р—скаго, а капитанъ С—въ, которому оторвало ногу, уѣхалъ въ Россію.

И подъ пѣсню нашего боеваго товарища мы вспоминали тѣхъ нашихъ друзей, которые легли въ Манчжурскихъ поляхъ, или уѣхали инвалидами въ далекую Россію

Сибирскій Стрѣлокъ.

Граммофонъ-Опера.

РАЗВИТІЕ и усовершенствованіе граммофона и достигнутые имъ результаты въ передачѣ музыки и пѣнія выразились въ послѣднее время устройствомъ граммофонныхъ концертовъ. Демонстрировались пластинки съ отрывками какъ оперной, такъ и камерной музыки.

Такіе концерты въ специальныхъ залахъ или театрахъ устраивались почти во всѣхъ большихъ европейскихъ и американскихъ городахъ, у насъ, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, въ Германіи—въ Берлинѣ, получившимъ въ этомъ отношеніи пальму первенства передъ всѣми европейскими городами.

Тамъ устраивались даже специальные концерты съ вокальнымъ отдѣленіемъ, на которыхъ воспроизводились голоса давно умершихъ артистовъ и высокихъ особъ, какъ пѣвецъ Тамань, папа Левъ XIII и другихъ.

Такимъ специальнымъ концертамъ даже присваивалось особое названіе „воскресительныхъ“. Говорили и пѣли голоса людей сошедшихъ съ земной арены.

Я уже не говорю о многочисленныхъ концертахъ, устраиваемыхъ при дворахъ высочайшихъ особъ, какъ на примѣръ, испанскаго или шведскаго королей и у частныхъ лицъ.

Все это говоритъ за то, что граммофонъ завоевалъ себѣ, наконецъ, мѣсто концертнаго исполнителя, могущаго провести всю концертную программу безъ непосредственнаго участія людей, что невозможно ни для какого другого механическаго музыкальнаго аппарата.

Это, въ свою очередь, должно было наталкивать на мысль воспроизведенія граммофономъ цѣлыхъ оперъ. Ясно стала чувствоваться необходимость въ граммофонъ-оперѣ.

Современныя граммофонныя пластинки могутъ играть лишь сравнительно небольшой промежутокъ времени, исполнять лишь одни отрывки изъ оперъ, аріи, отдѣльные хоры, но не болѣе.

Акціонерное Общество „Граммфонъ“, идя навстрѣчу этой необходимости, готовится въ скоромъ времени выпустить на пластинкахъ цѣлыя оперы, какъ уже выпустило „Пиковую даму“.

Такимъ образомъ, скоро любители музыки будутъ въ состояніи прослушивать цѣлыя оперы у себя дома, и при томъ въ исполненіи первоклассныхъ артистовъ.

Останется лишь одна необходимость, мѣнять пластинки, но при поразительномъ ростѣ усовершенствованія граммофона, при строго научной постановкѣ граммофоннаго дѣла за границей, въ Германіи, мы можемъ надѣяться, что современемъ граммофонъ будетъ исполнять намъ непрерывно цѣлыя дѣйствія.

Если при этомъ удастся приспособить къ исполненію граммофономъ оперъ кинематографъ, правильно урегулировавъ ихъ взаимоотношенія, то граммофонъ-опера завоюетъ себѣ права гражданства во всемъ мірѣ, и каждый изъ насъ, не выѣзжая изъ родного города, будетъ слушателемъ и зрителемъ оперъ, идущихъ въ театрахъ всего земного шара.

Театраль.

Анкета съ артистами о грамофонѣ.

У Л. В. Собинова.

Звонокъ.

— Леонидъ Виталиевичъ проснулся?

— Да. Какъ о васъ доложить?

— Скажите отъ акціонернаго общества „Грамофонъ“.

— Пожалуйте.

Роскошный кабинетъ и „Ленскій“—Собиновъ за письменнымъ столомъ въ домашней тужуркѣ.

— Простите, Леонидъ Виталиевичъ; я вырву у васъ нѣсколько минутъ.

— Чѣмъ могу служить? Садитесь, пожалуйста.

— Я вамъ задамъ только три вопроса...

— Нѣтъ, нѣтъ! Интервью! Ни за что!—испуганно замахалъ руками Леонидъ Виталиевичъ.

— Очень жаль,—печально улынулся я.—Ваше мнѣніе играетъ для насъ большую роль. Мы предприняли анкету нѣкоторыхъ выдающихся артистовъ. Повторяю, очень жаль! Я приподнялся, собираясь еще разъ извиниться и откланяться.

— Извините,—заговорилъ Леонидъ Виталиевичъ.—О насъ много пишутъ, много врутъ... Я положительно не знаю, какъ мнѣ быть. Я напѣвалъ, конечно, пластинки...

— Простите, мнѣ хотѣлось бы только знать ваше мнѣніе о грамофонѣ и его будущемъ.

— Что же я вамъ могу сказать? По моему полнаго тембра голоса грамофонъ еще не можетъ передать. Но для широкой публики онъ еще сослужитъ службу. Я бы совѣтовалъ начинающимъ пѣвцамъ имѣть у себя грамофонъ и учиться по немъ пѣть: напѣвать пластинки и исправлять свои ошибки. Вотъ все, что я могу сказать о грамофонѣ. Если мое мнѣніе необходимо для васъ, то пожалуйста, я готовъ послужить, но предупреждаю, я не терплю интервью. И весело улыбаясь, знаменитый артистъ проводилъ очень довольнаго интервьюера.

У А. М. Карензина.

Я застала талантливаго артиста за утреннимъ чаемъ.

— Простите,—извинился я.—Но мнѣ сказали, что васъ можно застать только утромъ!

— Да, да! Садитесь. Чѣмъ могу служить?

— Общество „Граммфонъ“ издаетъ сборникъ, посвященный этому изобрѣтенію, и намъ желательно было бы узнать ваше мнѣніе о граммфонѣ.

— Пожалуйста, пожалуйста! Не хотите ли стаканъ чаю?

Отказавшись отъ чая, чтобы не задерживать любезнаго хозяина, я попросилъ его перейти къ предмету разговора.

— Что вы скажете о будущности граммфона? Какого вы мнѣнія о пластинкахъ нашей фирмы, и какія пластинки вы считаете лучшими?

Я,—началъ артистъ,—только недавно вернулся изъ Милана, гдѣ съ удовольствіемъ слышалъ пластинку „Де-Лючія“. Могу сказать, что граммфонъ хорошая вещь, нужная нашему брату, оперному артисту. Мы не можемъ безъ него обойтись, мы контролируемъ имъ свой голосъ, провѣряемъ себя, изучаемъ недостатки.

Граммфонъ оказываетъ намъ большую услугу. Я думаю, что его будущее должно быть блестяще. Онъ будетъ не только предметомъ удовольствія, но и руководствомъ, для насъ, пѣвцовъ.

— Что же касается пластинокъ, напѣтыхъ мною, то могу указать какъ на болѣе интересныя: романсъ Надира изъ оперы „Искатели жемчуга“, серенаду Арлекина, серенаду изъ оперы „Забава Путятишна“, романсъ „Пѣснь весны“ Блейхмана, романсъ Альфреда изъ „Травіаты“, затѣмъ самую лучшую—это „Русалка“. Еще романсъ Дубровскаго изъ оперы „Дубровскій“, романсъ „Сердце красавицы“ изъ „Риголетто“, каватину царя Берендея изъ „Снѣгурочки“, Особенно хороша по исполненію пластинка „Любанный напитокъ“ Доницетти.

Мой визитъ окончился, и я отъ души поблагодарилъ любезнаго хозяина.

У П. С. Оленина.

10 часовъ утра...

Въ подъѣздѣ дома князя Горчакова не видно швейцара, не у кого спросить, гдѣ живетъ артистъ Оленинъ. Длинную лѣстницу моютъ полотеры... Отъ нихъ интервьюеръ узнаетъ № квартиры артиста...

— Петръ Сергѣевичъ принимаетъ?

— Сейчасъ узнаю,—говоритъ горничная.

Пока она узнаетъ, интервьюеръ раздѣвается въ передней и входитъ въ кабинетъ.

Трещить телефонъ. Выбѣгаетъ горничная...

— Кто у телефона? они еще не могутъ выйти, позвоните черезъ 10 минутъ.

Интервьюеръ нервно шагаетъ по кабинету... Наталкивается на стулъ съ грудой брошюръ, длинныхъ и узкихъ. Беретъ... Это психологическій романъ П. С. Оленина „О страданіяхъ дѣтской души Володи“... Перелистываетъ...

Опять трещить телефонъ, и выбѣгаетъ горничная...

— Кто у телефона? Сейчасъ скажу...

Выходитъ въ домашней курткѣ П. С. Оленинъ хмурый, сердитый...

Интервьюеръ кланяется:

— Простите, что такъ рано беспокою.

— Ничего, ничего.

— Говорите сначала по телефону, я потомъ...

— А! Пикокъ! ну, чего волнуетесь, а я думалъ, что случилось... Книгъ, пожалуйста, скажите, просятъ отъ моего стола въ уборной. Ну, ну, отдохайте, успеете!..

— ... Прощайте, я сейчасъ занятъ...

— И такъ, чѣмъ могу служить?..

— Нѣсколько минутъ интервью. Что вы скажете о будущемъ граммофона, о его значеніи въ искусствѣ?

— Я долженъ сказать,—началъ П. С.,—что артисты—это самый несчастный народъ. Писатель пишетъ, умираетъ и оставляетъ послѣ себя свои произведенія, художникъ—картины, они живутъ и послѣ смерти, а мы—насъ помнятъ только тѣ, кто слышалъ нашъ голосъ, и мы умираемъ совершенно безъ остатка... И съ появленіемъ граммофоновъ надежда жить и въ будущемъ воскресла и у насъ, и съ этой стороны могу сказать, что пока пластинки граммофона не разбились и не стерлись—мы будемъ жить и послѣ смерти... Моихъ пластинокъ въ граммофонѣ нѣтъ и поэтому я ничего не могу сказать объ этомъ—скажу только, если бы удалось техникѣ уничтожить нѣкоторое шипѣніе, то иллюзія могла-бы быть полная. Я мало знакомъ съ граммофономъ, и думаю, что онъ можетъ служить только какъ прикладное средство для эффектовъ закулисныхъ, такъ, на примѣръ, имъ пользуется Художественный театръ (плачъ ребенка). Но если усовершенствовать винтъ, который регулируетъ высоту звука—хорошо было-бы, а то происходитъ неточность передачи тембра голоса. И если глухой звукъ у пѣвца, то въ граммофонѣ онъ мягче... Хорошо было-бы изобресть такой рупоръ, который могъ-бы обхватить цѣлую группу голосовъ...

Замѣтно было, что П. С. спѣшитъ, и интервьюеръ, поблагодаривъ его, удалился.

У О. И. Каміонскаго.

Хорошенькая брюнетка отперла дверь, и кокетливо изгибаясь своимъ тонкимъ станомъ, сказала, что г. Каміонскій еще спитъ и не принимаетъ...

— Но мнѣ его очень нужно видѣть—волновался интервьюеръ. Увидѣть г. Каміонскаго ему нужно было во что-бы то ни стало...

Въ тѣни передней виднѣлась дверь спальни, и оттуда выглядывало личико маленькой дѣвочки—должно быть дочери артиста.

Горничная недоумѣвала... — Вы приходите въ 4 часа...

— Ого-го! думалъ интервьюеръ—хорошо! Покорнѣйше благодарю васъ! Въ 4 часа... Мнѣ нужно сдать весь матеріалъ къ 2 часамъ, иначе редакторъ разнесетъ во всю ивановскую. — Нѣтъ, я хочу видѣть г. Каміонскаго теперь, сейчасъ. Скажите по очень важному дѣлу.

Черезъ двѣ минуты въ маленькую гостиную вошелъ заспанный артистъ и, послѣ обычныхъ извиненій, мы разговорились...

Г. Каміонскій ничего не имѣлъ противъ интервью и любезно началъ:

— Граммофонъ, конечно, играетъ большую роль въ искусствѣ и для тѣхъ въ особенности пѣвцовъ, которые не имѣютъ школы и учатся по немъ; кромѣ того, онъ служитъ контролемъ для насъ; дефекты со стороны виднѣе. Жаль только, что техника еще не такъ совершенна, рѣзкіе голоса неудачны; женскіе лирическіе и колоратурные удаются лучше чѣмъ драматическіе. Слѣдовало-бы обратить вниманіе на урегулированіе силы звука—такъ какъ очень часто неравномѣрно распредѣляется звукъ, отчего неточность передачи тембра голоса. Это невыгодно для пѣвца. Я былъ въ Парижѣ и слышалъ очень хорошія пластинки Карузо, его голосъ кажется самый лучший, самый подходящій для граммофона. Мои-же пластинки считаю болѣе лучшими по исполненію: „Демонъ“, Карменъ“, „Травиата“, „Колыбельную пѣсню“, Годара...

— А ваша супруга, г-жа Брунь, спросилъ интервьюеръ—могла-бы подѣлиться со мною своимъ мнѣніемъ?

— Да она того-же мнѣнія какъ и я о граммофонѣ. Изъ пластинокъ ея очень удачны: аріи изъ „Чародѣйки“ и „Мазепы“. Вообще могу сказать, что для насъ пѣвцовъ, граммофонъ—удовлетвореніе; мы теперь знаемъ, что насъ не забудутъ и мы будемъ жить на пластинкахъ. Какъ пріятно теперь слышать послѣ смерти голосъ Тамань! Для насъ артистовъ это большое удовлетвореніе... Если техника удалитъ нѣкоторыя несовершенства граммофона, то будущее его блестящее...

Интервьюеръ, благодаря и извиняясь за беспокойство, веселый, вышелъ изъ квартиры г. Каміонскаго и побѣжалъ въ редакцію.

Нилъ.

Примѣненіе граммофона въ педагогикѣ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ развитіе значительныхъ изобрѣтеній показываетъ, какой громадной силой является техника въ процессѣ поступательнаго движенія чело-вѣческаго ума. Музеи всѣхъ учебныхъ заведеній переполнены моделями, цѣль которыхъ показать юношеству на практикѣ то, что преподавалось теоретически. Всѣ педагоги раздѣляютъ убѣжденіе, что самая несовершенная модель стоитъ выше самой остроумной отвлеченной теоріи. Въ послѣднее время въ Германіи стали требовать отъ вольноопредѣляющихся, прапорщиковъ, морскихъ кадетовъ и держащихъ экзаменъ зрѣлости знакомства съ техническимъ устройствомъ путей сообщенія, телеграфовъ и телефоновъ. Такимъ образомъ педагогика начинаетъ считаться съ практической жизнью.

Припомнивъ сколько лѣтъ развивалась наука, пока достигла своего теперешняго состоянія, можно смѣло сказать, что со временемъ возникнутъ еще новыя науки, которыя, пока, какъ всѣ новыя идеи, находятся еще въ зачаточномъ состояніи, но въ концѣ концовъ побѣдоносно займутъ свое мѣсто.

По первымъ игрушечнымъ попыткамъ въ области фонографіи нельзя было предположить, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ это открытіе будутъ вложены миллионныя капиталы, и что мы получимъ новый весьма цѣнный педагогическій факторъ.

Заранѣе отвѣчая на могущія возникнуть обвиненія въ „машинномъ воспитаніи“, въ „повтореніи съ чужихъ словъ“ и т. п. мы скажемъ, что не бездушный аппаратъ долженъ быть воспитателемъ, но что настоящее педагогическое примѣненіе его должно въ рукахъ воспитателя имѣть такое же значеніе, какъ всѣ прочія наглядныя пособія.

Извѣстный педагогъ Гербартъ даетъ слѣдующій обзоръ примѣненія граммофона въ разные возрасты и на различныхъ степеняхъ развитія ребенка.

Въ первые годы желательно ознакомленіе со всѣмъ окружающимъ путемъ воспріятія глазомъ и ухомъ. Образованіе органа рѣчи ребенка требуетъ съ раннихъ лѣтъ серьезнаго вниманія, потому что пріобрѣтенныя въ этомъ отношеніи дурныя привычки впоследствии бываетъ очень трудно искоренить. Рѣчь должна быть безыскусственна, но безукоризненна, а говорить такъ не всякому дано. Простое чтеніе не производитъ того обаятельнаго впечатлѣнія, которое даетъ свободная передача. По заказу педагога могутъ быть изготовлены пластинки съ безукоризненными рассказами, которыя навсегда сохранять свою цѣну. Подборъ пластинокъ, которыя при всемъ своемъ разнообразіи преслѣдовали бы одну цѣль—возбужденіе любознательности ребенка, уже дѣло воспитателя. Стихотворенія, пѣсни и декламация на родномъ и иностранномъ языкахъ достигаютъ уха въ чистыхъ звукахъ и доставляютъ большое наслажденіе. Классическое произведеніе сказанное ученикамъ, производитъ, даже на иностранныхъ языкахъ, всегда сильное впечатлѣніе.

Но исторія и естествовѣденіе также находятъ себѣ союзника въ граммофонѣ. Преподаватель естественной исторіи оживить ихъ, вдали отъ зоологическаго сада, показываемыя картины. Граммофонъ воспроизведетъ всѣ звуки, свойственные животнымъ отдаленныхъ странъ—и голосъ тигра, и слона, и попугая.

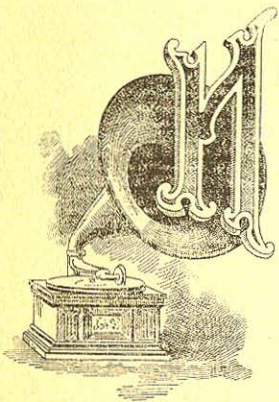
О преподаваніи исторіи Гербартъ говоритъ: „Исторія должна быть наставницей человѣчества и если она ею не бываетъ, то значительная доля вины въ этомъ ложится на учителей. Хорошо составленная краткая исторія открытій, искусствъ и наукъ должна составлять заключительный аккордъ историческаго преподаванія. И въ теченіи всего преподаванія аккомпаниментомъ ему должны быть отрывки поэзіи, если и не взятые непосредственно изъ различныхъ эпохъ, то по крайней мѣрѣ имѣющія съ ними тѣсную связь и дающія представленіе о той громадной разницѣ, которая существуетъ въ свободныхъ проявленіяхъ человеческого духа“. И въ другомъ мѣстѣ: „Всегда помощь поэзіи останется необходимой, чтобы посредствомъ ея (поэзіи) приближать къ намъ отдаленные объекты, такъ сказать ярко освѣщая ихъ“.

Однако немногіе учителя могутъ безукоризненно прочесть отрывки изъ произведеній написанныхъ древнимъ языкомъ, не только иностраннымъ, но даже роднымъ. Для этого требуются спеціальныя занятія, и вотъ тутъ то граммофонъ является цѣннымъ помощникомъ.

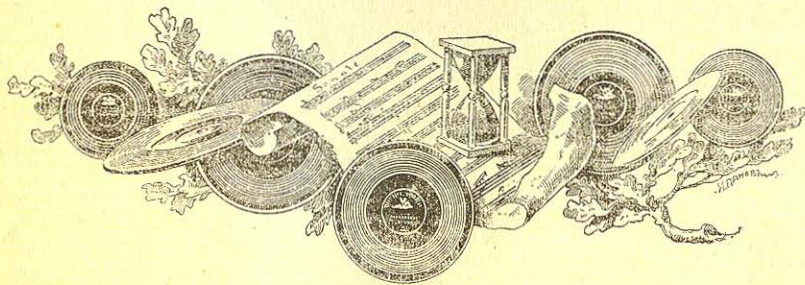
И въ школьномъ и въ домашнемъ примѣненіи граммофонъ оказываетъ услуги, дополняя недостаточныя свѣдѣнія преподавателей.

Граммофонъ въ качествѣ учителя языковъ.

ИНТЕРЕСНОЕ сообщеніе изъ Нью-Йорка мы читаемъ въ одной нѣмецкой газетѣ: „Врядъ ли можно требовать отъ самаго терпѣливаго и добродушнаго учителя языковъ, чтобы онъ сто разъ подъ рядъ повторялъ одно и то же слово до тѣхъ поръ, пока его ученикъ не усвоитъ себѣ правильнаго произношенія. Но помимо этого, въ отдаленныхъ небольшихъ мѣстечкахъ вообще очень трудно отыскать мало-мальски сноснаго преподавателя иностранныхъ языковъ. Для устраненія этихъ неудобствъ мы можемъ призвать на помощь граммофонъ, который уже не разъ оказывалъ намъ громадныя услуги въ различныхъ случаяхъ нашей жизни. Съ этой цѣлью въ Америкѣ образовалось общество, которое взамѣнъ учебниковъ иностранныхъ языковъ снабжаетъ желающихъ граммофонами съ соответствующими пластинками; такимъ образомъ можно получать пластинки со словами на французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и прочихъ иностранныхъ языкахъ и, слѣдовательно, пріучать свой слухъ къ безукоризненному произношенію любого нарѣчія. Преимущества этого новѣйшаго способа изученія языка не требуютъ доказательства. За скромную сумму каждый можетъ теперь взять на прокатъ одинъ изъ такихъ граммофоновъ и надлежащее количество пластинокъ, помощью которыхъ можно пройти съ учениками, по желанію быстро или медленно, полный курсъ того или иного языка. Что касается терпѣнія и неутомимости, то врядъ ли такой автоматическій учитель можетъ найти себѣ соперниковъ.

Леченіе пьянства при помощи граммофона.

Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ была помѣщена статья О. И. Фельдмана „Пьянство и гипнотизмъ“, въ которой онъ проводитъ планъ леченія пьянства гипнотизмомъ и при этомъ рекомендуетъ воспользоваться граммофономъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „Отрѣшая пациента отъ пьянства, врачъ-гипнотизаторъ одновременно готовитъ пластинку для своего пациента; готовитъ онъ ее слѣдующимъ образомъ: черезъ восприниматель онъ диктуетъ въ записывающій аппаратъ въ соответствующей редакціи необходимое для пациента внушеніе. Послѣднее переводится на пластинку. Такъ какъ весьма важно, чтобы самый процессъ подобнаго внушенія былъ незамѣтенъ пациенту, то въ началѣ записыванія имѣется внушеніе—приказаніе субъекту уснуть. Затѣмъ слѣдуетъ лечебное внушеніе, а заканчивается внушеніемъ проснуться. Чтобы вообще замаскировать эту гипнотическую пластинку, слѣдуетъ начать и закончить послѣднюю—музыкальной пьесой“.

Такимъ образомъ получается слѣдующая картина: у излеченнаго пьяницы наступаетъ рецидивъ. Врачъ, слѣвавшій ему въ первый разъ внушеніе не пить вина—отсутствуетъ. Личное свиданіе пациента съ врачомъ неисполнимо, но имѣется фонограмма внушенія, слѣланная врачомъ.

Пациенту предлагаютъ послушать граммофонъ. Его усаживаютъ передъ рупоромъ. Раздается пѣніе или игра на какомъ нибудь инструментѣ, пациентъ слушаетъ съ интересомъ,—затѣмъ вдругъ раздается знакомый ему голосъ его врача, который приказываетъ ему уснуть спокойно. Пациентъ засыпаетъ. Потомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ внушеній, касающихся его болѣзней,—наконецъ—внушеніе проснуться, и далѣе продолжается музыкальное исполненіе, пациентъ пробуждается и слышитъ конецъ аріи, восхитившей его.

Такимъ образомъ, пациентъ успѣлъ заснуть гипнотическимъ сномъ, получить внушеніе и проснуться, вовсе не подозрѣвая, что съ нимъ происходило.

Вліяніє грамофона на нервную систему.

ИЗЪ фізіологіі извѣстно, что дѣятельность нервной системы вообще обнаруживается цѣлымъ рядомъ ритмическихъ движеній мышечныхъ группъ. Движенія эти служатъ, такъ сказать, показателемъ состоянія дѣятельности головного и спинного мозга и связанныхъ съ ними нервовъ.

Если дѣятельность нервной системы нормальна, если система эта находится въ состояніи фізіологическаго равновѣсія до движенія мышцъ, совершаются съ соблюденіемъ опредѣленнаго ритма.

Эта ритмичность движеній указываетъ на нормальное, здоровое состояніе головного и спинного мозга и нервовъ. Всякое же нарушеніе ритмичности даетъ право заподозрить какое-нибудь заболѣваніе того или иного отдѣла нервной системы.

Заболѣванія нервной системы, включая сюда заболѣванія головного и спинного мозга можно подраздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой относятся такія, которыя сопровождаются расстройствомъ дѣятельности этой системы безъ нарушенія строенія и вообще безъ какихъ бы то ни было болѣзненныхъ измѣненій нервнаго и мозгового вещества, или ткани мозга и нервовъ. Ко второй категоріи относятся тѣ болѣзни, при которыхъ уже произошли какія либо болѣзненные измѣненія самой мозговой и нервной ткани.

Леченію звуками грамофона подлежатъ, главнымъ образомъ, болѣзни первой категоріи, при которыхъ нѣтъ видимыхъ анатомическихъ измѣненій въ ткани мозга и нервовъ, а имѣются лишь расстройства отправленій нервной системы, т. е. нарушенія фізіологическія, а не анатомическія. Къ числу такихъ болѣзней принадлежитъ, напр. истерія, болѣзнь, сопровождающаяся различными судорожными движеніями, т. е. такими мышечными сокращеніями, въ которыхъ правильный ритмъ нарушенъ. Сокращенія эти обнаруживаются или въ формѣ неритмическихъ сокращеній цѣлыхъ мышечныхъ группъ, или въ формѣ подергиваній отдѣльныхъ мышцъ, въ невѣрной походкѣ, различныхъ видахъ дрожанія и пр.

Во время такихъ истерическихъ приступовъ вниманіе больныхъ можно привлечь удачно подобранной пьесой грамофона, особенно такой, въ которой ритмъ подчеркивается больше, чѣмъ мелодія (напр. различные танцы, нѣкоторые мотивы оперетокъ и пр.).

Даже и при болѣзняхъ второй категоріи, гдѣ уже имѣются стойкія анатомическія измѣненія нѣкоторыхъ отдѣловъ нервной и мозговой ткани, ритмическіе звуки грамофона могутъ оказать благотворное дѣйствіе на ходъ болѣзни.

Что касается заболѣваній психической сферы, какъ, напр., меланхоліи, различныхъ видовъ маніи и пр., то и здѣсь граммофонъ оказываетъ не малые услуги путемъ веселыхъ или болѣе серьезныхъ мотивовъ. И здѣсь граммофонъ является утѣшителемъ несчастныхъ страдальцевъ, конечно, при умѣни имъ пользоваться.

Вопросъ о томъ, какъ пользоваться граммофономъ при леченіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней, какъ вопроса спеціальнаго, мы въ настоящей статьѣ, посвященной не врачебной публикѣ, касаться не будемъ.

Скажемъ вообще, что граммофонъ вноситъ въ семьи, въ которыхъ имѣются нервныя и душевно-больныя субъекты и нравственно-изуродованныя дѣти, нѣкоторое успокоеніе.

Прочитавъ эту замѣтку, читатель можетъ сказать: „да вѣдь всякій инструментъ и вообще музыка могутъ благотворно вліять на нервы и психику, при чемъ же здѣсь граммофонъ?“

На это можно отвѣтить, что именно только граммофонъ можетъ вполне правильно служить для этой цѣли, а далеко не всякій инструментъ и музыка вообще.

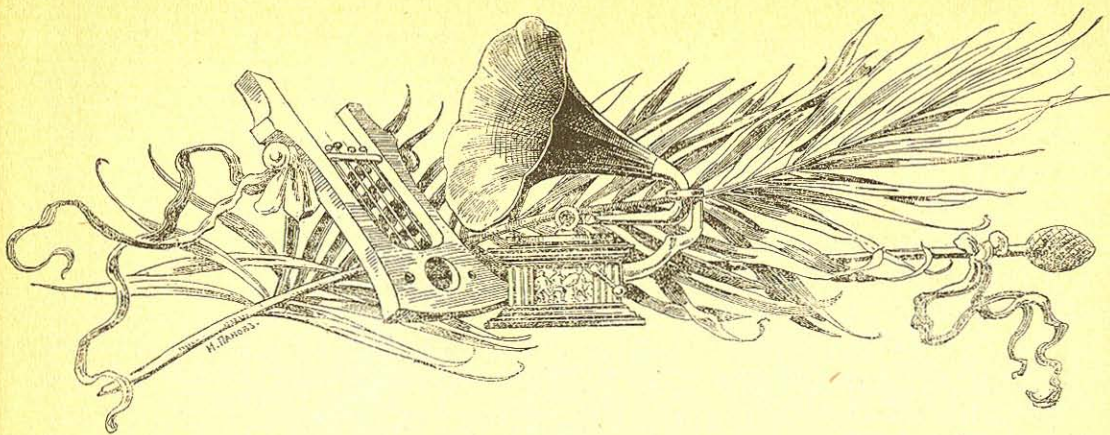
Дѣло въ томъ, что всякій инструментъ, чтобы благотворно вліять на нервы и душу слушателя, только тогда достигаетъ этой цѣли, когда находится въ рукахъ настоящаго артиста. Значитъ для леченія музыкой нужно или разыскать музыканта, или самому учиться музыкѣ, но пока все это произойдетъ болѣзнь сдѣлаетъ большіе успѣхи. Кромѣ того игра, напр., на фортепіано доморощенныхъ виртуозовъ, будущихъ якобы Рубинштейновъ и Листовъ, большей частью не только не благотворно вліяетъ на нервы нервныхъ и душевныхъ больныхъ, а даже скорѣе разстраиваетъ ихъ, погружая меланхоликовъ въ еще большую меланхолію, а маниаковъ—доводя до бѣшенства.

Въ домѣ же, гдѣ есть граммофонъ, все это можетъ быть избѣгнуто. Хорошій граммофонъ безукоризненно исполняетъ всевозможныя и легкія, и трудныя пьесы, передавая съ фотографической точностью не только всѣ оттѣнки туше играющаго, напр., піаниста, но и ту субъективную окраску, которую артистъ придаетъ исполняемому имъ произведенію. Въ музыкѣ граммофона слышится та душа, которая неотразимо вліяетъ на слушателя.

Вотъ въ чемъ тайна цѣлебнаго воздѣйствія граммофона на нервныхъ и душевныхъ больныхъ.

Докторъ медицины В. К. Панченко.

Граммофонъ при леченіи глухоты.

МЕТОДЪ леченія глухоты съ помощью граммофона основывается на возможности развитіи всякаго органа посредствомъ упражненія въ томъ случаѣ, если въ органѣ осталась хотя малая доля воспримчивости. Возвращеніе слуха, такимъ образомъ, достигается возстановленіемъ уже существовавшего пути.

Сила упражненія для развитія органа очень велика. Въ примѣръ мы приведемъ только тотъ фактъ, что дикія племена приучаются слышать, приложивъ ухо къ землѣ, лошадиный топотъ на очень далекомъ разстояніи.

Метода, которую мы опишемъ и съ помощью которой уже достигнуты очень серьезные результаты, называется:

„Леченіе глухоты звуковыми упражненіями“.

1. Принципы: Многолѣтними наблюденіями доказано, что при всякой глухотѣ, какого бы она ни была происхожденія, упражненіе органа ведетъ къ медленному улучшенію. Человѣкъ, плохо слышащій, часто поэтому перестаетъ вовсе прислушиваться, перестаетъ принимать участіе въ разговорѣ и не ходитъ ни въ театры, ни въ концерты. А между тѣмъ, ему слѣдовало поступать какъ разъ наоборотъ.

Окружающіе, въ свою очередь, также избѣгаютъ разговора съ глухимъ. А слѣдовало бы, напротивъ, какъ можно чаще обращаться къ нему, чтобы не исчезли послѣдніе слѣды слуха. Вслѣдствіе такого отношенія, глухота становится съ каждымъ днемъ сильнѣе. Поэтому, слѣдуетъ заботиться, чтобы люди, которые начинаютъ очень плохо слышать, имѣли возможность слушать и еще лучше, такъ устроить эту возможность, чтобы силу звука можно было увеличивать или уменьшать раціональнымъ образомъ.

2. Аппараты. Аппаратъ соотвѣтствующій высказанной задачѣ, называется *Amplificateur audiométrique*.

Онъ состоитъ изъ двухъ соединенныхъ между собой частей, составляющихъ одинъ аппаратъ: усилителя звуковъ, и регулятора, регулирующаго степень усиленія тона.

Можно самому крайне дешево устроить такой аппаратъ; для этого стоитъ только достать двѣ мелкія стеклянныя раковины, особенно пригодныя для акустическихъ цѣлей вслѣдствіе металлическихъ примѣсей, прибавляемыхъ къ стеклу во время плавки.

Эти обѣ раковинки прикрѣпляются къ обоимъ концамъ гибкой стальной пружины, соотвѣтствующей формѣ головы, такъ что раковины можно прижать къ угламъ. Аппаратъ легко согнуть такъ, чтобы онъ нисколько не стѣснялъ пациента.

Къ каждой изъ раковинъ придѣлываютъ маленькую хорошаго сорта гуттаперчевую плотную трубку, которую можно, по желанію, сжимать, къ другому концу этой трубки прикрѣпляется по гибкой металлической трубкѣ и обѣ онѣ сходятся къ одной трубкѣ побольше, воспринимающей звукъ, который передается аппаратомъ въ усиленномъ тонѣ.

Регулирующая часть аппарата состоитъ въ слѣдующемъ: тамъ, гдѣ каучуковыя трубки сходятся съ металлическими, на металлическую трубку прикрѣпляется кусокъ алюминія; онъ снабженъ клапаномъ, на который нажимаетъ винтъ, снабженный шкалой градусовъ. Съ помощью винта клапанъ давитъ на каучуковую трубку, болѣе или менѣе сжимая ее. Съ помощью этого приспособленія можно по желанію примѣнять силу звука.

Примѣненіе. Самый простой и рациональный способъ употребленія этого *amplificateur audiométrique*, это соединить его съ граммофономъ.

Нѣтъ учителя надежнѣе и аккуратнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ дешевле. Граммофонъ поетъ и говоритъ, играетъ на инструментахъ въ какое угодно время дня и ночи, никогда не уставая и всегда въ одномъ и томъ-же тонѣ.

По крайней мѣрѣ 2 раза въ день по полчаса слушаютъ граммофонъ, соединенный съ аппаратомъ. Если глухота настолько сильна, что пациентъ не слышитъ ни одной изъ гласныхъ, записанныхъ на пластинкѣ, то начинаютъ съ выслушиванія оркестровыхъ вещей, чтобы возбудить слухъ. Когда онъ проснулся, переходятъ къ пѣнію, и скоро замѣчаютъ, что слухъ начинаетъ различать пропѣтыя гласныя. Мало по малу ухо привыкаетъ различать ихъ не только въ пѣніи, но и въ разговорѣ, и тогда начинаютъ обращать вниманіе на согласныя.

Въ этотъ періодъ лѣченія уже начинаютъ понимать короткія предложенія, когда они произнесены особенно ясно и много разъ. Это иногда бываетъ необходимо, чтобы образъ слышаннаго запечатлѣлся въ мозгу.

Надъ граммофономъ слѣдуетъ укрѣплять небольшой кусокъ картона, на которомъ предварительно написаны слова, произносимые имъ.

Когда пациентъ приучится различать пропѣтыя гласныя, переходятъ къ пластинкамъ съ наговоренными гласными. При этомъ окажется, что произнесенныя гласныя различаются такъ же хорошо, какъ пропѣтыя.

Это уже большой шагъ впередъ, потому что разговоръ не ведется въ пѣвучемъ тонѣ, хотя это было-бы пріятнѣе для глухого, такъ какъ пѣніе всегда имѣетъ болѣе полный звукъ.

Послѣ изученія гласныхъ, переходятъ къ слогамъ, потомъ къ словамъ и, наконецъ, цѣлымъ фразамъ. Упражненіе оказывается менѣе затруднительнымъ, чѣмъ можно было предположить, потому что гласная всегда составляетъ основаніе рѣчи, и согласная часто угадывается.

Очень полезно вносить въ упражненія разнообразія: упражненія въ слушаніи разговора въ перемѣжку съ пѣніемъ.

Мелодическая музыка дѣйствуетъ замѣчательно успокоительнымъ образомъ на пробуждающійся органъ слуха, и двухчасовое ежедневное упражненіе дѣйствуетъ самымъ пріятнымъ образомъ на мозгъ.

Кто-то сказалъ, что музыка ничто, что это только проходящій шумъ. Мы прибавимъ, что безъ этого шума, охватывающаго въ своемъ общемъ значеніи ноты, рѣчь, пѣніе, инструментальную музыку, безъ этого шума жизнь на свѣтѣ была бы безотраднѣе, безсодержательнѣе: молчаніе есть смерть, и этотъ шумъ самъ по себѣ есть лучший врачъ пациента, такъ долго лишеннаго этого цѣлебнаго средства.

Но есть еще причина, которая заставляетъ рекомендовать музыку при леченіи глухоты: это ея отвлекающее и развлекающее вліяніе. Она пріятно прерываетъ однообразіе слоговъ и гласныхъ, играя роль соуса при ѣдѣ и превращая ежедневное обязательное занятіе въ удовольствіе.

Теперь перейдемъ къ способу обращенія съ аппаратомъ. При началѣ упражненія ввинчиваютъ регулирующій винтъ обѣихъ раковинъ на столько, чтобы пациентъ только могъ слышать говоримое. Въ особенной книгѣ записывается замѣтка о положеніи винта, которое замѣчается по шкалѣ, и такимъ образомъ получается точное опредѣленіе степени глухоты, такъ что впослѣдствіи можно производить сравненія во все время леченія. Стоитъ только поставить ту-же пластинку на граммофонъ, поставить съ помощью регулирующаго винта регулируемую пластинку въ то-же положеніе, чтобы знать улучшился ли слухъ. Такимъ образомъ можно получить точную картину состоянія слуха въ различные моменты леченія.

При дальнѣйшемъ леченіи поступаютъ слѣдующимъ образомъ: съ помощью регулирующаго винта ежедневно измѣняютъ положеніе пластинки, такъ чтобы сила звука чуть-чуть уменьшалась. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ увидимъ, что успѣхи очень значительны.

Услѣхъ. Профессоръ д-ръ Лабордъ, директоръ фізіологической лабораторіи медицинскаго факультета при парижскомъ университетѣ, пишетъ: „Достигаются замѣчательные практическіе успѣхи. Когда съ помощью достаточныхъ упражненій, а этотъ результатъ получается довольно скоро, слышанный образъ гласной запечатлѣвается съ помощью аппарата въ мозгу, въ послѣдствіи достаточно произнести ее громко, чтобы пациентъ услышалъ ее. Естественное слѣдствіе: глухой произносить гласную, образъ которой имѣеть, вѣрнѣе.“

Такимъ образомъ аппаратъ примѣнимъ также при обученіи глухо-нѣмыхъ.

Мы могли бы привести длинный перечень интересныхъ результатовъ, но боясь утомить вниманіе читателя, ограничимся только нѣсколькими строками изъ сочиненія д-ра Желлэ, знаменитаго отологиста:

„Терпѣніемъ и настойчивостью можно въ отчаянныхъ случаяхъ, даже при врожденной глухотѣ, достигать результатовъ. Бывали случаи исцѣленія глухо-нѣмыхъ въ возрастѣ 28 лѣтъ. Тѣмъ болѣе, полезно такое леченіе, когда глухота бываетъ слѣдствіемъ скарлатины, тифа, менингита и т. п.“ Эти слова заимствованы изъ статьи д-ра Желлэ въ „Tribuna médicale“ за 1896 г. Въ слѣдующемъ году д-ръ Желлэ снова пишетъ:

„Возбужденіе слуховыхъ нервовъ стоитъ выше всякаго другого метода воспитанія, потому что оно согласуется съ естественнымъ развитіемъ способности говорить и ведетъ прямо къ возбужденію, а иногда къ возрожденію слуха и рѣчи. Трудно выразить больше истинъ въ болѣе краткихъ словахъ и соединить въ болѣе высокой мысли познаніе чистаго разума съ результатами опыта.“

Истина такъ очевидна, что кажется не нуждается въ дальнѣйшихъ подтвержденіяхъ. И однако, не смотря на всю доказанность метода, сколько глухо-нѣмыхъ не имѣютъ счастья пользоваться ею!

Въ этомъ отношеніи надо признать большія заслуги „Institution national“ для глухихъ въ Парижѣ. Это учрежденіе первое ввело граммофоны для излеченія глухоты.

Профессоръ Дроу былъ первымъ, открывшимъ, такъ сказать, способъ Дюссо. Вотъ нѣсколько словъ изъ его сочиненія: „Глухонѣмого мальчика два года лечили методическими слуховыми упражненіями. Ребенокъ, слышавшій вначалѣ только нѣсколько гласныхъ, которыя ему приходилось выкрикивать изо всѣхъ силъ, началъ мало по малу понимать цѣльныя фразы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и наконецъ сталъ въ состояніи слѣдить за обыкновеннымъ преподаваніемъ въ учебномъ заведеніи. Тоже самое было съ другимъ больнымъ, большимъ любителемъ театра. Простое леченіе въ продолженіи шести недѣль возвратило слуху его первоначальную силу, и больной могъ съ весьма понятной радостью, снова начать свои посѣщенія театра.“

Рядъ цифръ, показывающихъ успѣхи леченія нѣсколькихъ учениковъ, можетъ служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ успѣшности метода.

I. Состояніе слуха въ началѣ.

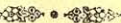
Имя учителя.	Слухъ для цѣлыхъ фразъ.	Слухъ для словъ.	Слухъ для гласныхъ.	Слѣдъ слу- ха или пол- ная глу- хота.
Бедріанъ	0	1	4	7
Бюрклинь	0	1	4	8
Мюллеръ	0	0	2	1
Меркль	0	0	1	1
Черно	0	0	1	1
Сунхельдъ	0	0	2	2
Крафтъ	0	2	4	0
Лефельдъ	0	2	2	0
Кюнель	0	0	2	2
Итого.	0	6	22	82=60 ученик.

II. Слухъ въ концѣ упражненій.

	Для фразъ.	Для словъ.	Для глас- ныхъ.	Слѣдъ слу- ха или пол- ная глухо- та.
Бедріанъ	0	4	6	2
Бюрклинь	0	4	4	5
Мюллеръ	0	1	2	6
Меркль	0	2	0	0
Черно	1	0	1	0
Сунхельдъ	0	2	2	0
Крафтъ	4	2	0	0
Лефельдъ	4	0	5	3
Кюнель	3	1	1	9
Итого.	12	16	21	11=60 ученик.

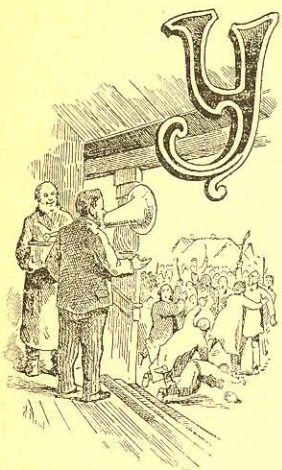
Результаты въ другихъ клиникахъ не менѣ убѣдительны. Мы заканчи-
ваемъ нашу статью словами д-ра Габріеля о практическомъ примѣненіи amplifica-
teur'a Дюссо:

„Вообще не знаютъ, что возстановленіе слуха у 97 изъ 100 глухонѣмыхъ
возможно путемъ продолжительныхъ упражненій, которыя будятъ заснувшій ор-
ганъ. Урокъ повторяется громко и тихо ученику до тѣхъ поръ, пока это необ-
ходимо, и даже у пациентовъ, считавшихся неизлечимыми, достигались замѣчатель-
ные результаты.

ГРАММОФОНЪ.

Разсказъ.

УПРАВЛЯЮЩЕМУ имѣніемъ „Зайчики“ привезли съ почты граммофонъ. Это была долгожданная посылка, о которой долго говорили, долго совѣтывались, строили предположенія, радовались... Но она пришла въ такой моментъ, когда ея прибытіе прошло почти незамѣтно. Вокругъ начинались аграрные беспорядки. Крестьяне глухо волновались. Управляющій, Сергѣй Петровичъ Елкинъ, грустно посмотрѣлъ на два ящика и сказалъ со вздохомъ: „Не во время пришелъ... Теперь бѣжать изъ деревни приходится“. Но все-таки граммофонъ распаковали и поставили въ залъ. Сиротливо онъ притаился въ темномъ углу, и его рупоръ сверкалъ оттуда своей никкелировкой.

Слуга Терентій посмотрѣлъ на него, ухмыльнулся и сказалъ:

— Ровно пушка! А что, Сергѣй Петровичъ, не выстрѣлить?

— Дуракъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Это точно... Необразованные... Вотъ въ Милитинѣ мужики усальбу сожгли. Казаковъ присылали... А замѣто казаковъ эту самую-бы пушку? Съ одного страху-бы разбѣжались...

— А у насъ какъ? Въ деревнѣ?—спросилъ Елкинъ.

Терентій почесалъ затылокъ.

— Ка-быть ничего!.. На тебя зlobятся, зачѣмъ сѣна имъ не далъ.

— Черти!..—выругался Елкинъ.—Развѣ мой сѣнокосъ? Я самъ человѣкъ служащій...

— Извѣстно, — согласился Терентій.

На дворѣ онъ сказалъ стряпухѣ, къ которой въ гости пришелъ кумъ изъ деревни:

— Къ управляющему пушку привезли! не пушку, а какъ его... пулеметь. Въ залѣ, въ углу поставленъ. Въ Милитино казаковъ присылали, ну а намъ не нужно: у насъ пушка.

— Бейся! — проворчалъ кумъ и ушелъ въ деревню. Дома онъ сказалъ сосѣдямъ:

Управляющему пушку прислали, въ насъ палить!

Черезъ часъ вся деревня волновалась.

— Сѣнокоса не даетъ, да въ насъ-же изъ пушки? Гдѣ это показано?

Правовъ такихъ нѣтъ, чтобы изъ пушки... Вери колья, ребята, отнимай пушку!

И толпа мужиковъ и бабъ съ громкими криками тронулась на усадьбу.

Терентій блѣдный, безъ шапки, влетѣлъ къ управляющему:

— Бѣда! Народъ валить изъ деревни! Бить тебя грозятся, Петровичъ...

Экій грѣхъ-то!

Весь блѣдный, Елкинъ спряталъ жену въ дальнюю комнату, положилъ въ карманъ револьверъ и вышелъ на крыльцо. Толпа валила уже въ ворота.

— Что вамъ нужно, братцы! — громко крикнулъ онъ.

— Пушку! Пушку подавай, купый дьяволъ! Правовъ такихъ нѣтъ, чтобы изъ пушки. Сѣнокоса не далъ, да еще изъ пушки въ насъ хочешь! Давай пушку!

— Какую пушку? — недоумѣваетъ Елкинъ.

— А вотъ эту самую... Что съ почты привезли... Неча дурака-то строить...

— Въ углу, въ горнищѣ поставлена, — крикнулъ кумъ стряпухи.

— Граммофонъ! — догадался, наконецъ, Елкинъ.

— Во, во! — понялъ вѣдь! Намъ чтобы безъ обмана.

— Братцы! вѣдь это музыка, — воскликнулъ Елкинъ.

— Знаемъ мы эту музыку! Въ Милитинѣ слыхали.

— Вотъ что, братцы, я вамъ принесу сейчасъ эту пушку сюда, — предложилъ немного успокоенный Елкинъ. — Вы увидите, что это музыка. Эта машина человѣческимъ голосомъ говорить.

— Выдумывай! — раздавалось въ толпѣ, но и она уже менѣе волновалась, когда Елкинъ пошелъ въ домъ и съ помощью Терентія вынесъ на дворъ невиданную машину.

Крестьяне все-таки отодвинулись отъ направленного въ нихъ ружья.

— Выстрѣлить! — крикнулъ кто-то, и толпа шарахнулась въ сторону.

Но вмѣсто выстрѣла грянулъ военный оркестръ.

— Вишь ты! И вирьямъ музыка! — говорили другъ другу крестьяне, подходя ближе къ аппарату.

Елкинъ переѣбилъ пластинку. Онъ поставилъ извѣстный рассказъ „Самоваръ“.

Немного оторопѣвшая при звукахъ человѣческаго голоса толпа скоро уловила смыслъ разсказа, и взрывы дружнаго хохота слѣдовали за каждой фразой.

— Какъ я мимо купцова дома-то шель...—раздавалось изъ рупора.

— Го, го, го!—грохотала толпа.—Купцу позавидоваль.

— Думаешь я вру?..—продолжалъ граммофонъ.

— Хо-хо-хо! Побожись! Ой, свѣтики. Вотъ такъ пушка!

— А мы и впрямь думали!

— А вы бы пришли, да честью и спросили, — сказалъ Елкинъ. — А то сейчасъ за дубе! Несуразные...

— Ужъ это какъ есть, — отвѣчали изъ толпы. — Ужъ не обезсудь, Сергѣй Петровичъ.

— Ну, что тамъ! Богъ простить. А вотъ плясовую, братцы. Жертвую на радостяхъ вамъ на полведра.

— Ловко! Ай да Сергѣй Петровичъ! Благодаримъ покорно, — раздалось изъ толпы.

— И когда раздалась развеселая русская „Камаринская“, многіе въ толпѣ стали притопывать.

— Становись, Катерина!—крикнулъ молодекъ какой-то веселый парень.

— По праздникамъ, братцы, ко мнѣ ходи!—крикнулъ Елкинъ.—Музыка играть будетъ.

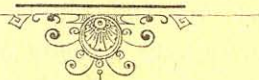
.....
Безпорядки вокругъ продолжались, а у Елкина никто ничего пальцемъ не тронулъ. А когда его спрашивали о причинѣ такого чуда, Елкинъ, хитро улыбаясь, отвѣчалъ:

— У меня штука такая есть! Секретная...

— Какая штука?—допытывались у него.

— Пушка!—отвѣчалъ онъ и добродушно посмѣивался.

Веридтъ.

Французскія артистки и граммофоны.

Французскія драматическія актрисы почтили въ послѣдніе годы граммофоны своимъ особеннымъ вниманіемъ, по дѣловымъ и „частнымъ“ соображеніямъ.

Какъ извѣстно, предприимчивые представители граммофонныхъ фирмъ часто обращаются къ знаменитымъ и извѣстнымъ актрисамъ съ предложеніемъ проиграть передъ граммофономъ, за извѣстное, часто очень значительное вознагражденіе, ту или другую изъ своихъ ролей. Конечно и здѣсь реклама и критика играютъ очень большую роль. Если въ парижскихъ газетахъ появилась замѣтка вродѣ слѣдующей: „M-lle Нина изъ X театра была положительно божественна въ роли... Выдающийся талантъ и очаровательная манера и т. д., то это является сигналомъ для „манеджеровъ“. Они добиваются интервью у M-lle Нины, чтобы потомъ имѣть возможность объѣхать провинцію съ ея „ролью“, при чемъ захватываютъ съ собой всѣ газетные отзывы и пользуются ими какъ постоянной рекламой. Провинціальная публика, не имѣющая ни времени, ни денегъ, ни случая посѣщать французскіе театры, съ удовольствіемъ посѣщаетъ такіе особенные сеансы и даетъ антрепенеру хорошую выручку. Съ другой стороны и артистки часто съ удовольствіемъ принимаютъ эти предложенія, находя въ нихъ источникъ добавочныхъ доходовъ. Конечно суммы, получаемыя такимъ образомъ очень различны: Сара Бернаръ, напр. получаетъ за какую нибудь маленькую роль въ десять разъ болѣе, чѣмъ другая менѣе знаменитая артистка за большую роль.—И еще въ другомъ отношеніи граммофоны играютъ большую „роль“ (этому слову здѣсь можно придать двоякое значеніе)—а именно: при занятіяхъ дома, и на драматическихъ курсахъ при разучиваніи той или другой роли. У многихъ артистокъ есть дома граммофоны съ ролями знаменитыхъ предшественницъ или преподавателей сценическаго искусства. Такія пластинки часто служатъ образцами и помощниками при изученіи новыхъ ролей, нерѣдко представляющихъ большія трудности, а также при репетиціи. Подобныя пластинки находятъ себѣ хорошій

сбыть даже за границу. Такъ напр. нѣсколько пластинокъ съ ролями Сары Бернаръ были проданы за высокую цѣну въ Филладельфію. Онѣ же шли и въ Англію и въ Италію, такъ какъ знаменитая артистка владѣетъ, какъ извѣстно, языками всѣхъ этихъ странъ. Многія парижскія актрисы, не обладающія очень твердой памятью, сами наговариваютъ пластинки, чтобы впослѣдствіи, черезъ мѣсяцы и годы, пользоваться ими. Такимъ образомъ граммофонъ является большимъ подспорьемъ въ тяжелой спеціальности, имѣющей непріятное преимущество казаться легкой.

Экзамены переводчиковъ въ военной академіи въ Германіи.

Среди офицеровъ прусской арміи всегда есть значительное число владѣющихъ иностранными языками и обладающихъ способностями къ изученію ихъ. Фронтальная служба оставляетъ мало времени для спеціальныхъ занятій, а между тѣмъ экзаменъ при поступленіи въ академію и на переводчика довольно труденъ. Особенно трудно подготовиться къ нему офицерамъ, живущимъ въ гарнизонахъ мелкихъ городковъ или пограничныхъ мѣстечекъ, гдѣ часто невозможно найти учителя. Въ нѣкоторыхъ болѣе богатыхъ полкахъ позволяютъ себѣ иногда роскошь выписать преподавателя. Для болѣе распространенныхъ языковъ это оказывается не трудно, но когда дѣло коснется языковъ менѣе извѣстныхъ, напр. восточныхъ или славянскихъ, то тутъ являются уже большія затрудненія.

Изученіе же языка безъ помощи преподавателя, по руководствамъ для самообученія, можетъ повести къ непоправимымъ ошибкамъ. Есть языки, которые необходимо слышать.

Въ этомъ отношеніи большую услугу можетъ оказать граммофонъ. Для этого къ подходящимъ, не слишкомъ объемистымъ руководствамъ должны быть сдѣланы объясненія академическимъ лекторомъ соответствующаго языка. По возможности тонкія пластинки соединяются въ томикъ и онѣ могутъ служить при самообученіи. Весьма полезны были бы также пластинки съ вопросами и „ключи“. Такія пластинки нашли бы себѣ, безъ сомнѣнія, хорошей сбытъ, такъ какъ дали бы полную возможность соединить пріятное съ полезнымъ, значительно поднимая знаніе языковъ и облегчивъ ихъ усвоеніе.

Граммoфонъ при мароккскомъ дворѣ.

Мароккскій султанъ любитъ окружать себя различными техническими изобрѣтеніями, къ числу которыхъ въ Марокко принадлежатъ музыкальные инструменты и граммофоны. Мароккскому султану 28 лѣтъ; характеръ у него веселый, онъ любитъ всякія техническія изобрѣтенія; но не понимаетъ въ техникахъ ровно ничего;

однако онъ любить разбирать разные инструменты, чтобы узнать ихъ механизмъ. Такая же участь постигаетъ и попадающіе къ нему граммофоны, и поэтому они у него очень недолговѣчны.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному французскому представителю фирмы удалось добиться аудіенціи у султана. Представленіе состоялось очень оригинальнымъ образомъ. Султанъ порядочно говорилъ по-французски и могъ слѣдить за объясненіями.

Услыхавъ первые звуки человѣческаго—женскаго голоса изъ граммофона, султанъ поблѣднѣлъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на рупоръ, бормоча: Это дьявольское навожденіе!“ Онъ приказалъ позвать муллу и окропить граммофонъ освященной водой, чтобы изгнать злого духа. Султанъ никакъ не хотѣлъ взять въ толкъ, что звуки исходятъ изъ діафрагмы и пластинки. Онъ купилъ два граммофона и, конечно, не замедлилъ разобрать ихъ. Имъ на смѣну явились американскіе граммофоны. Любимыя пьесы султана—веселыя пѣсни и военные марши. Для своего довольно обширнаго гарема султанъ тоже выписалъ нѣсколько граммофоновъ.

Граммoфонъ при испанскомъ дворѣ.

Молодой Король Альфонсъ, страстный автомобилистъ, отличается вообще любовью къ техническимъ изобрѣтеніямъ и слѣдитъ съ большимъ интересомъ за ростомъ граммофоновъ. При испанскомъ дворѣ всегда появляются всѣ новинки въ этой области и часто устраиваются граммофонные концерты.

Будучи еще женихомъ принцессы Баттенбергской, молодой Король устроилъ въ присутствіи своей невѣсты граммофонный концертъ. Въ настоящее время молодая Королева Испанская, такъ же какъ и ея супругъ, весьма интересуется граммофонами.

Король Шведскій и Граммoфонъ.

При дворѣ короля Шведскаго, Оскара, весьма часто бываютъ кинематографическія представленія и граммофонные концерты. Граммофоны вообще заслуживаютъ большое одобреніе со стороны короля. Такое высокое одобреніе поддѣрживаетъ въ Стокгольмѣ моду на граммофонные концерты, которые тамъ происходятъ довольно часто.

Завѣщаніе Бисмарка.

Въ 1886 г. передъ желѣзнымъ канцлеромъ Бисмаркомъ былъ демонстрированъ фонографъ, на валикъ котораго первый канцлеръ Германской Имперіи запечатлѣлъ свою рѣчь. Эта рѣчь долго оставалась тайною, такъ какъ валикъ фонографа былъ запечатанъ въ ящикъ съ тѣмъ, чтобы этотъ ящикъ былъ открытъ въ 1906 г. Предугадывая развитіе „говорящихъ машинъ“, желѣзный канцлеръ хотѣлъ сдѣлать свою рѣчь достояніемъ всего германскаго народа и репродуцировать ее въ нѣсколькихъ стахъ отпечатковъ. Въ 1906 г. управляющій замкомъ Фридрихсруэ прислалъ таинственный ящикъ на фабрику пластинокъ, гдѣ съ величайшими предосторожностями валикъ былъ вставленъ въ машину и присутствующіе услышали слова давно умершаго Бисмарка, въ то время, когда эти звуки воспринималъ записывающій аппаратъ. Отпечатковъ было сдѣлано немного, всего 500 экземпляровъ, поступившихъ въ продажу по подпискѣ по очень высокой цѣнѣ. Сумма, полученная отъ этой продажи, предназначена была на благотворительныя цѣли. Рѣчь Бисмарка—изложеніе его взгляда на ту политику, которая повела къ объединенію и усиленію Германіи, такъ сказать, его политическое credo, вполне характеризующее изворотливаго государственнаго дѣятеля и „желѣзнаго“ правителя. Но, къ сожаленію, фонографическая запись оказалась очень слабою и не точною. Если бы эта запись могла быть сдѣлана желѣзнымъ канцлеромъ на граммофонной пластинкѣ—результатъ получился бы иной, и нѣмцы могли бы слышать слова Бисмарка какъ живыя.

Видоизмѣненія граммофона.

Аппаратамъ граммофона часто придаютъ весьма разнообразную форму. Изъ этихъ видоизмѣненій граммофона особеннаго вниманія заслуживаютъ граммофонъ-будильникъ и граммофонъ-цвѣты. Граммофонъ-будильникъ устроенъ такъ, что вмѣсто колокольчика будильника, производящаго рѣзкій и непріятный звукъ, помѣщается механизмъ граммофона, на дискъ котораго кладется любая изъ пластинокъ небольшой величины. Когда стрѣлка часовъ подойдетъ къ назначенному времени, пружина граммофона освобождается и аппаратъ начинаетъ любую музыкальную арію. Вставать, такимъ образомъ, приходится не подъ непріятное дребезжаніе, а подъ музыку, что отчасти можетъ дѣйствовать благоприятно на настроеніе цѣлаго дня. Граммофонъ-цвѣты, изобрѣтенный также въ Германіи, состоитъ изъ букета искусственныхъ цвѣтовъ или искусственной пальмы, въ стволахъ которыхъ помѣщается рупоръ. Механизмъ аппарата и пластинка скрыты внизу, въ цвѣточномъ горшкѣ. Такіе аппараты часто устраиваются автоматическими и употребляются на выставкахъ, но ихъ охотно держатъ и въ салонахъ, а также демонстрируютъ на граммофонныхъ концертахъ, которые въ Германіи особенно часты.

Кинематографъ, какъ дополнение граммофона.

То, что граммофонъ завоевалъ въ сферѣ звука, кинематографъ сдѣлалъ въ сферѣ свѣта. Такимъ образомъ въ разныхъ областяхъ, но по существу одинаковыя изобрѣтенія взаимно дополняютъ другъ друга.

Рѣдкій изъ жителей большихъ городовъ не знакомъ съ кинематографомъ, но не каждому извѣстно, что послужило началомъ для изобрѣтенія этого аппарата, какую область промышленности занимаетъ устройство кинематографовъ и какія перспективы видятся передъ усовершенствованнымъ аппаратомъ въ будущемъ. На эти вопросы даетъ отвѣтъ статья Banet Rivet въ послѣдней книжкѣ *Revue des Deux Mondes*. Толчкомъ для изобрѣтенія кинематографа послужилъ, какъ это ни странно, поднятый въ парижской академіи наукъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли кошки всегда падаютъ на лапы и какъ онѣ производятъ поворотъ въ воздухѣ, не имѣя точки опоры. Сначала отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ отрицательный. Готье доказывалъ, что безъ оскорбленія математическихъ законовъ, кошка не имѣетъ права перевернуться въ воздухѣ, какъ не имѣетъ права вообще неизмѣнное по формѣ тѣло, подверженное исключительно дѣйствию тяжести и своихъ внутреннихъ силъ, перевернуть себя вокругъ оси, проходящей чрезъ его центръ тяжести. Знаменитый физиологъ Марэ, желая разрѣшить этотъ вопросъ, усовершенствовалъ фотографическіе аппараты и съ ихъ помощью снялъ много снимковъ съ кошки, летящей внизъ. Онъ показалъ, что кошка дѣйствительно поворачивается въ воздухѣ и совершаетъ этотъ поворотъ слѣдующимъ образомъ. Брошенная за четыре лапы спиной внизъ, кошка, не имѣя никакой точки опоры внѣ себя, быстро выпрямляетъ спину, которая до сихъ поръ была обращена выпуклостью внизъ; она вытягиваетъ заднія лапы и прикладываетъ къ шеѣ переднія, перевертываясь въ то же время передней частью туловища; когда это совершено, она вытягиваетъ переднія лапы, подгибаетъ заднія и дополняетъ поворотъ. Въ результатѣ она падаетъ на землю, направляя къ низу вытянутыя и готовыя уменьшить силу толчка всѣ четыре лапы.

Достигнувъ такихъ результатовъ, Марэ и ближайшій его помощникъ Дементи занялись новымъ улучшеніемъ быстро снимающихъ аппаратовъ. Послѣднему удалось достигнуть большого совершенства. Своимъ аппаратомъ онъ снялъ говорившаго оратора; 24 снимка соотвѣтствовали одной короткой фразѣ. Движенія губъ, жесты и позы оратора были такъ ясны, что, когда Дементи въ прозекціяхъ воспроизводилъ свои снимки, то глухо-нѣмые привыкшіе читать слова, слѣдя за губами говорящаго, понимали рѣчь оратора по снимкамъ.

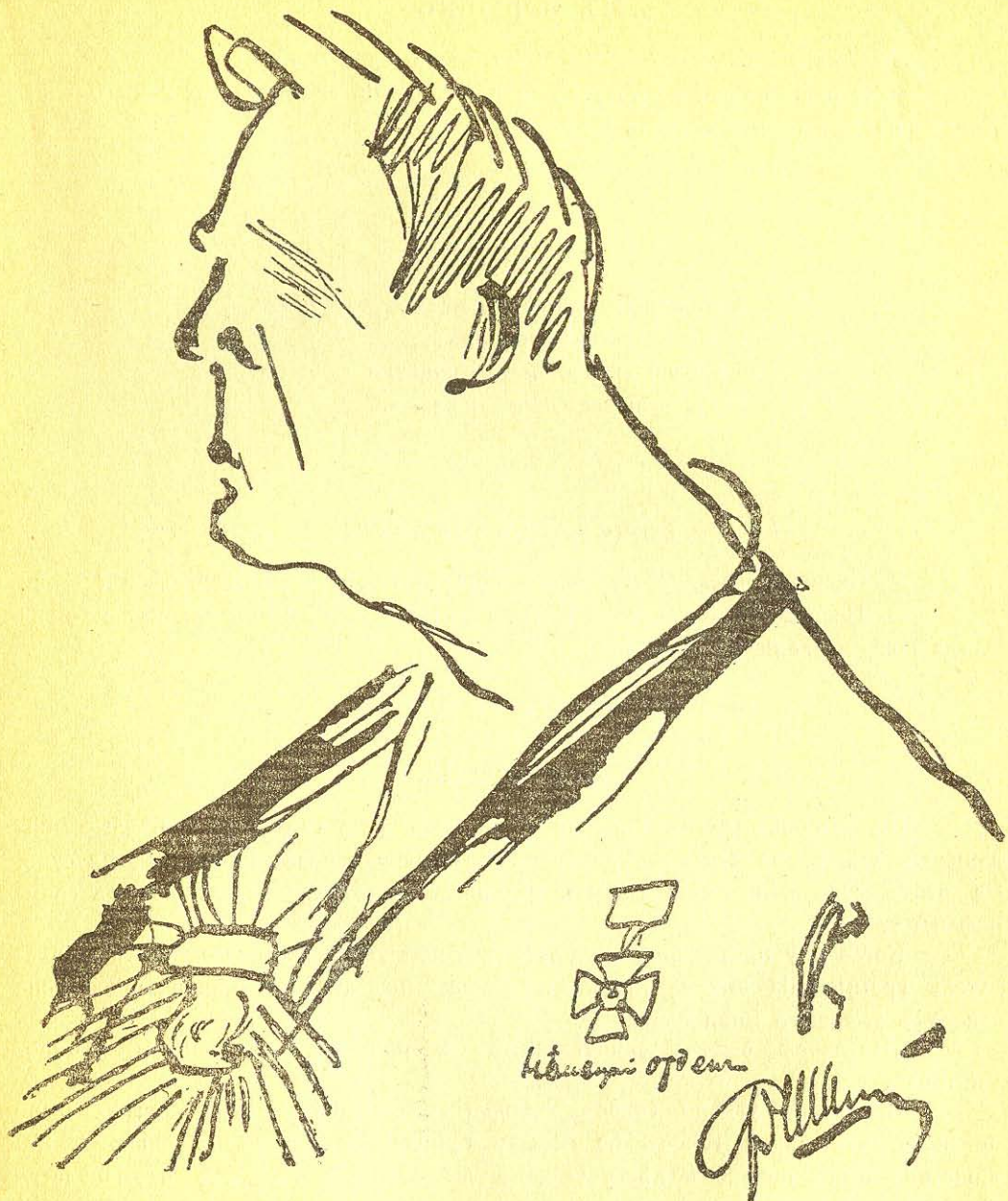
Дальнѣйшія усовершенствованія были введены братьями Люмьеръ, которые главнымъ образомъ и содѣйствовали распространенію кинематографа въ публикѣ. Несмотря на свое еще несовершенное устройство, кинематографъ и теперь оказываетъ услуги наукъ. Такъ онъ воспроизводитъ всѣ движенія оператора и

всѣ фазы операціи, служа такимъ образомъ большимъ пособіемъ при изученіи хирургіи. Благодаря послѣдовательнымъ моментальнымъ снимкамъ и воспроизведенію движеній рыбъ въ водѣ и рыбообразныхъ предметовъ въ воздухѣ, удалось разрѣшить такъ долго занимавшій ученыхъ вопросъ: впередъ или назадъ долженъ быть устремленъ толстый конецъ управляемаго аэростата; фотографія отвѣтила, что воздухоплавательная машина должна быть направлена толстымъ концомъ впередъ. Изслѣдуя рѣчь разныхъ людей при помощи тѣхъ же быстрыхъ послѣдовательныхъ фотографическихъ снимковъ, физиологи опредѣлили условія, при которыхъ одни и тѣ же слоги произносятся разными людьми неодинаково, почему на-примѣръ южане произносятъ eip тамъ, гдѣ у парижанъ слышится an. Та же фотографія опредѣляетъ, чѣмъ въ отдѣльныхъ фазахъ ударъ молотомъ кузнеца-мастера отличается отъ удара ученика...

Въ Парижѣ устройствомъ кинематографовъ занято главнымъ образомъ „Генеральное Общество кинематографовъ“. Зданіе этого общества занимаютъ площадь въ 10 тысячъ квадратныхъ метровъ. Между этими зданіями есть и театръ гдѣ происходятъ представленія для съемки и дальнѣйшаго воспроизведенія кинематографомъ, и лабораторіи, и фабрики, и наконецъ, складъ для пленокъ, оберегаемый какъ пороховой погребъ, потому что пленки, представляющія въ общемъ капиталъ, превышающій 7,000,000 франковъ, отличаются необыкновенной воспламеняемостью... Но все это,—утверждаетъ авторъ статьи въ *Revue des Deux Mondes*,—только начало.

Граммфонная почта.

Въ настоящее время въ Австріи стало примѣняться одно очень оригинальное изобрѣтеніе. Это—передача своихъ писемъ устно, причемъ въ то-же время передается и голосъ отправителя, со всѣми его особенностями. Дѣлается это такимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ австрійской столицы поставлены автоматическіе аппараты; въ этотъ аппаратъ бросается назначенная мелкая монета, а взамѣнъ ея выбрасывается изъ другого отверстія специальная почтовая карточка съ особымъ кружкомъ для граммфоннаго оттиска, карточка эта ставится на граммфонъ придѣланный къ аппарату, въ который и говорится вслухъ содержаніе письма. По окончаніи разговора карточку берутъ обратно черезъ другое отверстіе. Затѣмъ эту карточку въ обыкновенномъ конвертѣ отправляютъ по адресу, а получившему стоитъ только поставить ее на граммфонъ, и тотъ отчетливо и ясно голосомъ автора письма, передастъ все его содержаніе.

„Проѣздомъ черезъ Петербургъ въ Америку
послѣ свиданія съ Императоромъ
Вильгельмомъ въ Берлинѣ“.

Автопортретъ Ф. И. Шаляпина.

Въ партіяхъ.

— Отчего этотъ ораторъ говоритъ вѣчно одно и тоже?

— Это, батенька, не ораторъ, а политическій граммофонъ. У него одна вѣчная пластинка—тактика партіи.

Загадка.

Мой первый слогъ въ вѣсахъ аптечныхъ,
Я по второму—дворянинъ,
Но если скучно вамъ—конечно
Васъ развлеку лишь я одинъ.

Тоже „Оксетофонъ“.

— Скажите пожалуйста, какимъ образомъ дѣйствуетъ оксетофонъ?

— Посредствомъ давленія. Вотъ, на примѣръ, моя жена кричитъ на меня всегда подъ давленіемъ моей тещи.

Завѣщаніе.

Въ Америкѣ одинъ богатый миллионеръ, (ибо тамъ есть и бѣдные миллионеры), умеръ, не оставивъ завѣщанія. Нагрянули наслѣдники, начался судъ. На этотъ судъ одинъ изъ самыхъ дальнихъ родственниковъ явился съ граммофономъ.

Когда ему предложили представить доказательства своего родства, обладатель граммофона вмѣсто отвѣта поставилъ пластинку, и машина произнесла голосомъ умершаго миллионера:

„Назначаю своимъ единственнымъ и прямымъ наслѣдникомъ Томаса Уинтона“.

Свидѣтели узнали голосъ умершаго, а эксперты-врачи должны были признать, что такой голосъ не можетъ принадлежать душевно-больному. Завѣщатель былъ признанъ дѣйствующимъ въ твердомъ разсудкѣ и наслѣдство перешло къ Томасу Уинтону.

Судъ будущаго.

Въ XXI вѣкѣ на судѣ вмѣсто защитниковъ и прокурора по всѣмъ вѣроятіямъ будутъ употребляться граммофоны, ибо не будетъ новыхъ преступленій. Можно представить себѣ такую сцену: въ разгарѣ обвинительной рѣчи голосъ прокурора-граммофона срывается, и рѣчь замолкаетъ.

Обвиняемый, держа въ рукахъ пластинку съ рѣчью защитника, встаетъ и говорить:

— Господа присяжные засѣдатели! Если самъ прокуроръ отказался отъ обвиненія, то ужъ вы то меня не обвините!

И присяжные не нашли его виновнымъ.

Дядя Ко.

Н о ч ь.

Ночь, луна, трещать цикады.

Эта ночь—волшебный сонъ.

Льются звуки серенады,

Гдѣ то здѣсь она и онъ....

Гдѣ-то... полонъ я смущенья...

Не вспугнуть бы этотъ сонъ!

Что-же? вижу въ отдаленнн

Я въ бесѣдкѣ... граммофонъ.

Онъ одинъ... трещать цикады.

Льетъ луна дрожащій свѣтъ;

Льются звуки серенады,

Никого въ бесѣдкѣ нѣтъ!

Карамбо.

По случаю.

— Я бы купила у васъ граммофонъ, да очень онъ шинить...

— По случаю продается... дешево... Вамъ за 5 коп., да еще съ бархатомъ?

Двѣ старухи у граммофона.

— Господи... И кто такую машину выдумалъ?

— Нѣмецъ, матушка. Извѣстно не безъ грѣха... Продалъ душу нечистому, вотъ машина-то и заговорила... Нѣмецъ, матушка и обезьяну, сказываютъ, выдумалъ.

Въ солдатской чайной.

Молодой солдатъ (указывая на граммофонъ).

Дяденька! Какъ эта самая машина дѣйствуетъ?

Старый солдатъ. Очень просто.

Молодой солдатъ. А какъ?

Старый солдатъ. Возьми за ручку, закрути...

Молодой солдатъ. Ну?

Старый солдатъ. Ну, а потомъ тебѣ старшой по шеѣ дастъ... Вотъ и узнаешь!

Въ магазинѣ, гдѣ продаютъ граммофоны.

Барышня (прикащику, который хотѣлъ ее поцѣловать).

— Ужъ пожалуйста, не тяните ко мнѣ вашъ рупоръ!

— Когда весь мой механизмъ отъ одного вашего взгляда такъ и вертится...

— Очень нужно! Поищите другую пластинку!

Разсказъ странника о граммофонѣ.

Придохъ я, окаянный, въ нѣкую горницу и видѣхъ рыкальницу мѣдяну, аки трубу, надъ ларцемъ бѣсовскимъ висящу воздуснѣ... и подъ той рыкальницей кругъ зеленымъ сукнищемъ покрытъ. И егда на кругъ сей второй кругъ повергоша, черный, аки тѣло бѣсовское, бѣса того ухищреніемъ избражденъ, и заверти...

И завертется кругъ, аки бѣсъ въ ликованіи, и того часу изъ рыкальницы начаша голоса бѣсовскіе голосомъ прелестницъ выводить. Не како человѣкъ, но како птица—прелестница, сиреной именуемая, иже на краю свѣта за камнемъ. Азь же, окаянный, бѣсовскому тому навожденію воинствуя, плюнувъ въ рыкальницу тую, отыди съ миромъ.

Власъ.

Письмо современнаго Ленскаго къ современной Татьянѣ.

Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
Какъ сладкій мигъ, какъ дивный сонъ
Я вспоминаю на Шпалерной
И ночь, и садъ, и граммофонъ.
О какъ намъ сладко пѣлъ Карузо,
Какъ слухъ намъ Собиновъ ласкалъ,
И какъ умчалъ все грозный шкваль
Приходъ татап твоей—медузы!
И на молчанье осужденъ,
Остановился граммофонъ.

Письмо современной Татьяны.

Я вамъ пишу, чего-же болѣе?
Мнѣ скучно все одно твердить...
Одной тоскливо поневолѣ
И граммофонъ мнѣ заводить...
А помнишь ли... въ саду въ бесѣдкѣ?..
Промчалось все, какъ дивный сонъ...
Ахъ, женихи такъ стали рѣдки!
Твердить татап, какъ граммофонъ!
Нѣтъ, конечно! Прощусь съ хандрой
И замужъ выйду я зимой.

*Списалъ и предалъ гласности
Грамъ Афонъ.*

Новая партія.

Въ мой кабинетъ неожиданно вошелъ весьма странный посѣтитель. Это былъ... граммофонъ. Ящикъ его подвигался ко мнѣ на двухъ тоненькихъ ножкахъ, похожихъ на спички, такія же тоненькія ручки болтались по бокамъ, на блестящемъ рупорѣ сверкали и смѣялись точно вставленные деѣ раковинки—глаза.

— Позвольте представиться... Граммофонъ Граммофновичъ Граммофоновъ, протягивая мнѣ ручку, весьма галантно произнесъ незнакомецъ.

— Чѣмъ могу служить, спросилъ я, озадаченный... Вы, вѣроятно, новый типъ граммофона? Теперь техника идетъ впередъ такими быстрыми шагами...

— Что-сь техника! Я занятъ теперь политикой, отвѣтилъ онъ мнѣ, направивъ на меня свой рупоръ. Я лидеръ партіи, которая въ скоромъ времени займетъ первое мѣсто...

— Вы... лидеръ партіи? воскликнулъ я.

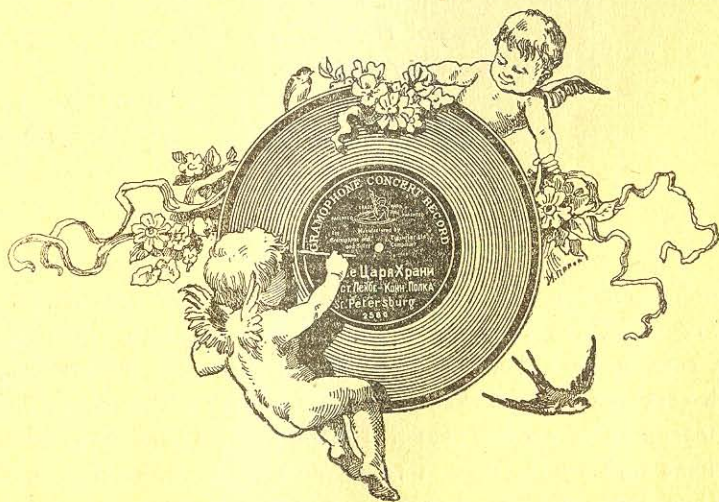
— Совершенно вѣрно. Такой партіи, которой до сихъ поръ не существовало. Партіи покладистыхъ людей. Повѣрьте, намъ обезпечена большая будущность. Мы образуемъ кабинетъ... Важно то, чтобы умѣть говорить съ каждымъ въ его духъ. Для насъ это легче, чѣмъ для кого-бы то ни было. Стоитъ только пере-мѣнить пластинку эсъ-эровскую на кадетскую, кадетскую на октябристскую, эту на націоналистическую или на монархическую. А сами мы по существу не мѣняемся. Слѣдовательно, насъ никакъ нельзя назвать измѣнчивыми. Мы покладистые. Позвольте закурить папироску?

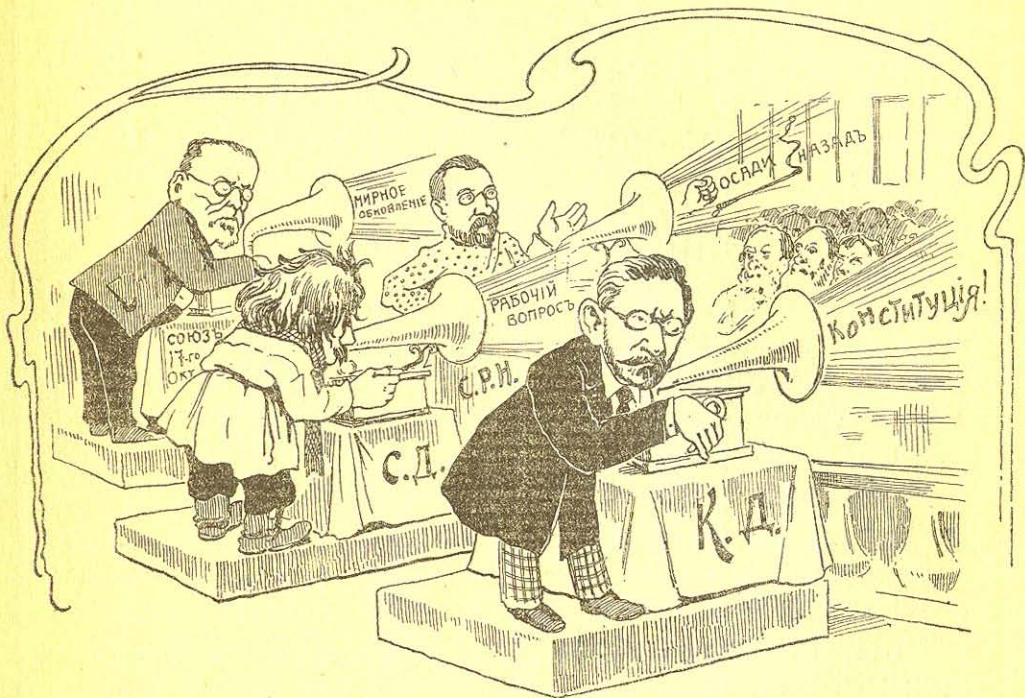
Я любезно предоставилъ въ его распоряженіе свой портсигаръ, и мой гость закурилъ папироску, наполнивъ дымомъ весь рупоръ.

— Моя философія заключается въ томъ, чтобы замѣнить всѣ партійныя несогласія партійной покладливостью. Тогда само собой водворится полное спокойствіе. Отъ поста премьера я, конечно, откажусь, хотя-бы мнѣ его и предлагали. Моя партія одна въ состояніи будетъ помирить всѣ партіи, такъ какъ составитъ связующее звено... А недурень проэктъ платформы?

И въ рупорѣ раздался звонкій смѣхъ, подъ звуки котораго я проснулся. Въ сосѣдней квартирѣ игралъ граммофонъ.

Р—68.

Траммофонъ въ политикѣ.

Говорящія машины имѣютъ то преимущество, что для обращенія съ ними не требуется никакой подготовки технической или музыкальной, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ разносторонность недосягаема ни для одного, изъ отдѣльныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

**„ГРАММОФОНЪ“ поетъ, говоритъ, смѣется,
свиститъ, играетъ и т. д.**

съ поразительнымъ правдоподобіемъ дѣйствительности и артистической законченностью.

Въ семьѣ ГРАММОФОНЪ полезенъ не только какъ развлеченіе, но и въ воспитательныхъ цѣляхъ и пробуждаетъ любовь къ музыкѣ. Каждый можетъ испытать дѣйствительное музыкальное наслажденіе, если онъ, какъ по отношенію къ аппарату, такъ и къ пластинкамъ руководствуется принципомъ:

КАЧЕСТВО, НО НЕ ЦѢНА.

ГРАММОФОНЪ былъ первой говорящей машиной и остался первой изъ такихъ машинъ. Много патентованныхъ усовершенствованій отличаютъ настоящій ГРАММОФОНЪ и даютъ возможность воспроизводить звукъ **ЧИСТО** и **ВПОЛНЪ ЕСТЕСТВЕННО**, исключая неприятное постороннее шипѣніе.

1. Лучшая мембрана „Эксибишенъ“, 2. Лучшее коническое тонарное приспособленіе. 3. Лучшій механизмъ.

Вся конструкція аппарата солидна и почти исключаетъ необходимость исправленій. Выраженіе: „Есть много говорящихъ машинъ, но „Граммфонъ“ только одинъ“,—не пустая фраза, а фактъ.

Обращаемъ всеобщее вниманіе на то обстоятельство, что слово ГРАММОФОНЪ не есть имя собирательное или нарицательное, а ПАТЕНТОВАННОЕ названіе для обозначенія НАШИХЪ говорящихъ машинъ, пластинокъ и принадлежностей.

Для охраны интересовъ публики, которой иногда предлагаютъ подъ названіемъ граммофоновъ малоцѣнные поддѣлки, обращаемъ вниманіе на то, что

НАСТОЯЩІЯ ГРАММОФОННЫЯ ИЗДѢЛІЯ
снабжены изображенными на семь
НАШИМИ фабричными знаками.

